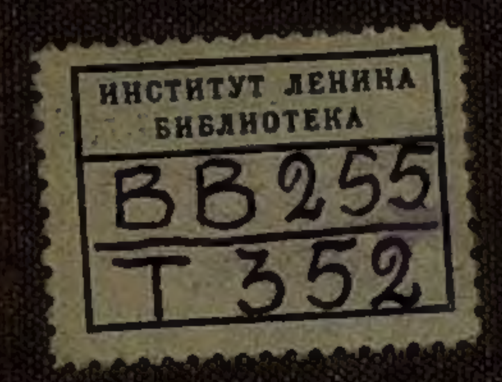
Теленковъ

по ЕВРОПѢ
въ время
войны

НОВАЯ БИБЛІОТЕКА

Бор. ТЕЛЕПНЕВЪ.

ПО ЕВРОПѢ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

МОСКВА—1916.

№ 2-3 | ИЗДАТЕЛЬСТВО НАША ЖИЗНЬ | 20 к.

Бор. ТЕЛЕПНЕВЪ.

ПО ЕВРОПѢ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Издательство «НАША ЖИЗНЬ».
МОСКВА—1916.

МОСКОВСКАЯ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПЕЧАТНЯ
ТРЕХПРУДНЫЙ ПЕР. 9.

БУХАРЕСТЪ.

Я стою на балконѣ.

«Athenée Palace Hôtel»—въ центрѣ Бухареста. Безконечной вереницей по гладкой мостовой мчатся экипажи (иначе назвать здѣшнихъ «извозчиковъ» нельзя—слишкомъ нарядны для обычныхъ городскихъ возницъ). Кучера въ длинныхъ бархатныхъ кафтанахъ съ широкими кушаками и маленькихъ шапочкахъ сидятъ очень гордо, сытыя лошади бойко постукиваютъ по асфальту.

А на мягкихъ подушкахъ покоятся здѣшніе аборигены и ихъ прекрасныя спутницы жизни. Позы у всѣхъ чрезвычайно независимыя—непремѣнно и очень высоко нога положена на ногу, голова съ важностью откинута назадъ. У обитательницъ Бухареста, рѣшительно у всѣхъ, модныя большія и плоскія шляпы, надѣтыя на-бекрень,

и очень короткія, нарочито прозрачныя и широко развѣвающіяся по вѣтру юбки въ легкихъ складкахъ.

Все это летитъ куда-то, обмѣниваясь улыбками, кокетливыми взглядами. Какъ-будто великая, міровая трагедія, близко разыгрывающаяся отъ этого оживленнаго города, днемъ съ его уютными домами-виллами, тонущими въ зелени, такъ ярко отвѣщеннаго солнцемъ, по вечерамъ загорающагося блестящими огнями безчисленныхъ кафе—какъ-будто эта трагедія не коснулась его обитателей.

— Счастливцы, они не воюютъ,—говоритъ мой спутникъ, французъ-инженеръ, семь мѣсяцевъ просидѣвшій въ траншеяхъ.

— Они наживаютъ,—прибавляетъ онъ.

Мой спутникъ правъ. Румыны наживаютъ. И какъ не наживать имъ, когда цѣны ихъ страны выросли до размѣровъ, которые имъ раньше и во снѣ не снились? Вагонъ маиса, стоившій въ нормальное время до 600 франковъ, дошелъ до 6.000 франковъ! Вагонъ хлѣба стоитъ 8.000 франковъ. Бензинъ продается по какимъ-то совершенно невѣроятнымъ цѣнамъ.

Они наживаютъ и... проживаютъ. Кафе и рестораны полны, цѣны взвинчены до крайности, всю ночь въ нѣкоторыхъ центрахъ идетъ жизнь, напоминающая Парижъ,—не тотъ Парижъ, который съ его типично буржуазной жизнью мало знакомъ пріѣзжимъ, но именно веселящійся Парижъ.

Какъ яркія пятна, оживляющія толпу, мелькаютъ синіе, красные, голубые и еще невѣсть какіе цвѣта румынскаго офицерства. По правдѣ сказать, тоненькія фигуры офицеровъ въ каскеткахъ и монокляхъ, подтянутыя, чистенькія, не создаютъ воинственнаго впечатлѣнія, Впрочемъ, вѣдь это въ Бухарестѣ. А въ Бухарестѣ для нихъ—время мирное, боевое—пока лишь для коммерсантовъ.

Я говорю «пока», потому что за весело легкомысленной жизнью чуется что-то иное.

Прежде всего—въ модѣ Франція и французы. Французскіе лакеи, французскія газеты, французскія названія повсюду. По-французски говорятъ всѣ, и съ большимъ удовольствіемъ. На каждомъ шагу надписи вродѣ «Patisserie françaisе», «Café de Paris» и т. п. Самое серьезное мѣрило—фран-

цузскія деньги принимаются съ наслажденіемъ и цѣнятся дороже румынскихъ.

На нѣмцевъ поглядываютъ что-то косо. И когда въ отелѣ разворчался какой-то нѣмецъ, то портье замѣтилъ довольно громко: «Ужъ, эти нѣмцы! Какъ-будто весь міръ завоевали! До насъ-то во всякомъ случаѣ не дошли».

Здѣсь и тамъ случайно оброненныя слова, схваченные разговоры, газетныя замѣтки, отношеніе на улицахъ, въ гостиницѣ, въ магазинахъ,—все даетъ чувствовать, что народныя симпатіи глубоко на сторонѣ тройственнаго согласія, особенно Франціи.

Трудно разстаться съ уютной и веселой жизнью узкихъ, но красивыхъ улицъ Бухареста, трудно перемѣнить ее на иную, полную тревогъ и лишеній. Но, думается, быть можетъ, то веселье—веселье послѣднихъ дней, накапунѣ крупныхъ событій. Быть можетъ, тяжесть грядущаго чувствуется смутно въ душѣ каждаго, и онъ спѣшитъ использовать и свободный часъ, и свободный франкъ.

Уже поздно. Завтра рано идетъ поѣздъ черезъ Софію въ Сербію. Я силюсь уснуть, но напрасно,—

стукъ экипажей, отзвуки музыки и смѣха назойливо врываются въ комнату и будятъ мысли о другой, далекой и тяжелой жизни...

СЕРБСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Царибро́дъ—послѣдняя болгарская станція. Въ нѣсколькихъ километрахъ—сербская граница. Маленькіе, узкіе вагончики бѣгутъ по скалистой и ущелистой мѣстности; поѣздъ замедляетъ ходъ, виднѣются характерныя круглыя сѣрыя шапки съ плоскимъ верхомъ; остановка, и—провѣрка паспортовъ сербской полиціей.

Станція какъ-будто усиленно охраняется,—всѣ виднѣющіяся мужскія фигуры вооружены ружьями. Но, Боже мой, какая смѣсь возрастовъ, одѣяній, винтовокъ.

Чистые, рыжевато-сѣрые цвѣта обычной сербской формы, сине-красные турецкіе мундиры, сѣрыя австрійскія куртки, наконецъ, какія-то необыкновенныя, полосатыя одѣянія фантастическихъ цвѣтовъ, вѣроятно, просто домашняя

одежда—все перемѣшалось и слилось въ одну разноцвѣтную, но, тѣмъ не менѣе, воинственнаго вида толпу.

Сколько сортовъ ружей—отъ прадѣдовскихъ до винтовокъ новѣйшей системы.

И вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ разнообразны сами воины: безусые юнцы лѣтъ шестнадцати и совершенно сѣдые солдаты стоятъ рядомъ на томъ же посту. Чувствуется, что подъ ружье взяты дѣйствительно «всѣ способные носить оружіе», что уже нѣтъ здѣсь войска, а стоитъ передъ давнимъ врагомъ весь во гнѣвѣ поднявшійся и сплотившійся въ ратномъ строю сербскій народъ.

— Сколько вамъ лѣтъ?—спрашиваю одного сѣдовласаго воина въ рыжемъ подобіи армяка.

— Не разуме.—Онъ добродушно улыбается и прибавляетъ вопросительно:—Руси?

Я киваю утвердительно головой.

Сумрачное на первый взглядъ, какъ у всѣхъ сербовъ, лицо озаряется широкой дружелюбной усмѣшкой. Онъ поднимаетъ свою шапку и кричитъ: «Живіо, Русіи!»

Мы кое-какъ объясняемся, и я узнаю, что сынъ его былъ раненъ и умеръ отъ тифа въ госпи-

талѣ, что ему уже за пятьдесятъ, но онъ еще «покажетъ швабамъ сербскую силу».

Когда я заговариваю о женѣ, лицо его омрачается. Чирій вскочилъ. По всей деревнѣ чирій былъ. Всѣ умирали. Жена умерла.

И, помолчавъ, онъ прибавляетъ:—дѣдъ остался старый да дочь молодая. Они въ поляхъ работаютъ...

Осиротѣлыя сербскія поля! Больно смотрѣть на нихъ послѣ полей болгарскихъ, покрытыхъ великолѣпнымъ урожаемъ,—тамъ все поле живетъ, пестрѣя работниками, здѣсь все пустынно; кое-гдѣ виднѣется обработанная полоса, затѣмъ пустошь, опять обработанный кусокъ и снова пустырь.. Древніе-древніе дѣды дрожащими руками и печальныя жены и дочери работали надъ этими полями, сдѣлали, что могли.

Бѣдныя земли! Бѣдная страна! Но страна героевъ. Тѣ разноцвѣтные воины, что толпой виднѣлись на станціи, только частью остались для охраны. Большинство поѣхало на позиціи, пробывъ установленный отпускъ дома. Ихъ провожали рослыя, похожія на нашихъ великорусскихъ бабъ, жены и дочери. Ни одной слезы,

ни одного причитанія. Лица смотрятъ сурово, но бодро. Герои-люди рѣшительно не нашего вѣка! Чѣмъ-то давно забытымъ, несокрушимой природной силой вѣетъ отъ этой страны—истощенной, но не уставшей, бѣдной, но побѣдоносной.

Встрѣчающійся мнѣ докторъ французъ говоритъ о сербахъ съ искреннимъ восторгомъ:

— Что-то сказочное, мистическое чувствуется въ этой странѣ. Національные идеалы—здѣсь вопросъ жизни и смерти для каждаго. Они всѣ готовы умереть и не боятся умирать. И таковъ ихъ старый король, самъ простой и бѣдный и всѣмъ бѣднымъ и простымъ людямъ близкій. Притомъ необыкновенная, трогательная благодарность Россіи.

Дѣйствительно, отношеніе къ русскимъ какое-то восторженное.

Мы подъѣзжаемъ къ «Струмицѣ»—той станціи, которая въ концѣ зимы была сожжена болгарскими комитаджіями.

Высокія горы унизаны батареями. У подножія ихъ виднѣются палатки. Поѣздъ еле двигается перебираясь по деревянному, временному, мосту. Мостъ настоящій былъ взорванъ болгарами.

Виднѣется рядъ крестовъ. То—братскія могилы перерѣзанныхъ комитаджіями.

Вотъ «Струмица». Станціонное зданіе, очевидно, поправлено, но кругомъ дома всѣ разорены. Они стоятъ опустѣлые и мрачные, разбитые, съ выбитами окнами. Поѣздъ продвигается за «Струмицу». На горахъ—тѣ же батареи, внизу палатки, а около полотна устроены настоящія траншеи съ бойницами и проволочныя загражденія.

Поѣздъ усиливаетъ ходъ. Послѣдняя остановка въ Сербіи—Джевджеге. Это значитъ—«царица розъ».—Увы!—Не только розъ, но и другихъ цвѣтовъ не замѣтно. Жара палящая, все выжжено.

Сербскіе «войники» сумрачно стоятъ подъ ружьемъ. Кто-то узнаетъ русскихъ и кричитъ: «Живіо, Русія!».

Я вторю ему ото всей души: «Живіо, Сербія!» и прощаюсь съ небольшой по размѣрамъ, но великой по духу страной.

ПО ГРЕЦІИ ДО САЛОНИКЪ.

Очертанія Македонскихъ горъ становятся ярче; онѣ уходятъ куда-то вдаль, подернутую розовой дымкой; кругомъ стелятся ровныя поля.

Промелькнулъ пограничный столбъ, греческій солдатъ въ хаки, такой маленькій и чистенькій въ сравненіи съ высокими сербами въ ихъ фантастическихъ формахъ. Мы—въ Греціи.

И Греція немедленно даетъ себя чувствовать: Начинается съ осмотра санитарнаго. Хотя Сербія поборола тифъ, какъ поборола она нашествіе швабовъ, но мы, пріѣхавшіе оттуда, считаемся людьми опасными, несущими грозную заразу. Прежде всего слѣдуетъ обезвредить наши вещи. Зоркій взглядъ санитарнаго чиновника привлекаютъ двѣ спортивныя фуфайки, купленныя моимъ спутникомъ въ Софіи для морского путе-

шествія. Еще ненадѣванныя, онѣ лежатъ въ отдѣльномъ свертке. Увы—мы и не подозрѣвали, что въ нихъ гнѣздятся ужасные микробы. «Немедленно дезинфицировать», грозно указываетъ на нихъ чиновникъ, и, несмотря на протесты моего товарища, онѣ уносятся.

Чиновникъ съ такимъ ужасомъ смотритъ на злосчастный свертокъ, служитель беретъ его съ такой осторожностью, что я невольно проникаюсь нѣкоторымъ страхомъ къ намъ и нашимъ вещамъ. Мое старое пальто, въ которомъ я гулялъ по Нишу, мнѣ кажется особенно подозрительнымъ и коварно таящимъ въ своихъ рваныхъ карманахъ тифозныя или иныя скверныя палочки и запятыя. «Не будете ли вы добры взять и дезинфицировать мое пальто?»—замѣчаю я.—«Въ немъ, говоря откровенно, я ходилъ и по Нишу и по сербскимъ деревнямъ». Чиновникъ пристально смотритъ на меня. Мой видъ, очевидно, внушаетъ ему довѣріе. «Вы знаете, дезинфекція все-таки портитъ платье. Не совѣтую вамъ трогать ваше пальто». И онъ удаляется вмѣстѣ со служителемъ, тріумфально несущимъ фуфайки. Онѣ возвращаются намъ, пропитанныя какимъ-то удиви-

тельнымъ запахомъ—смѣсью карболки съ чеснокомъ.

Затѣмъ происходитъ таможенный осмотръ. Грязный Грекъ долго ковыряется въ моемъ бѣльѣ, вытаскиваетъ чисто выстиранную пижаму, перѣпштельно мнетъ ее табачными пальцами, но, подумавши, машетъ рукой и уходитъ.

Намъ объясняютъ, что предстоитъ еще мытарство—медицинское освидѣтельствованіе въ Салоникахъ. Пока провѣряютъ наши паспорта и обѣщаютъ продѣлать это еще разъ въ Салоникахъ же.

Надо взять билеты отъ границы до Салоникъ. Я отправляюсь къ кассѣ. Предлагаю сербскія деньги. Отвергаютъ съ негодованіемъ. Вынимаю французскіе билеты. Отвергатютъ съ неменьшимъ негодованіемъ. Съ гордостью показываю фунтъ стерлинговъ. Тотъ же эффектъ. Оказывается, что принимаются только золото или, конечно, греческія деньги (вѣроятно, по мнѣнію администраціи желѣзной дороги, сравнявшіяся по цѣнности со звонкими монетами). Положеніе отчаянное, золото мнѣ пришлось отдать на русской границѣ. Хотѣлъ было по ужасному курсу купить луидо-

ровъ въ Румыніи, но, оказывается, Болгарія золота не выпускаетъ. Мѣнялъ на станціи не видно. Я безпомощно ухожу отъ кассы.

Какой-то восточный типъ—не то еврей, не то грекъ,—уже такъ давно суетившійся около меня, что я сталъ опасаться за свои карманы, вдругъ наклоняется ко мнѣ и таинственно шепчетъ на курьезномъ французскомъ діалектѣ: «Я могу вамъ оказать милость (socorder une faveur)—я дамъ вамъ золота, я дамъ вамъ греческихъ денегъ». Что было дѣлать? Пришлось позволить «оказать мнѣ милость». Милость эта обошлась мнѣ столько, что сказать стыдно.

Какъ бы то ни было, все пришло, наконецъ въ порядокъ; я усѣлся въ вагонъ и черезъ 1½ часа уже подъѣзжалъ къ Салоникамъ.

Изъ вагона путешественниковъ до медицинскаго осмотра не выпускаютъ. Въ полной темнотѣ я торопливо ждалъ посѣщенія греческаго доктора. Свѣта въ вагонахъ не полагается, и я нѣсколько недоумѣвалъ, какъ господинъ докторъ будетъ производить свой осмотръ въ полнѣйшемъ мракѣ. Въ то время, какъ я сидѣлъ, погруженный въ эти глубокомысленныя разсужденія,

въ купе вошелъ какой-то чрезвычайно учтивый господинъ, любезно приподнявшій шляпу и вѣжливо привѣтствовавшій меня: «Bonsoir, monsieur!» Я отвѣтилъ ему столь же любезнымъ «bonsoir'омъ» и продолжалъ сидѣть въ ожиданіи доктора. «Eh bien, monsieur, что же вы не выходите?»—Это зоветъ меня вагонный проводникъ.

— А медицинскій осмотръ?

— А вѣдь докторъ только что былъ у васъ.

— Ахъ, вотъ что! Такъ этотъ учтивый господинъ былъ докторъ?

Я забираю багажъ, беру извозчика, ныряю по какимъ-то темнымъ, заваленнымъ камнями улицамъ, трясусь, отбиваю себѣ руки и ноги, глотаю скверно пахнущую пыль и попадаю, наконецъ, въ гостиницу. Обѣдаю довольно недурно, пью кофе. Передо мной колышется море; кругомъ— оживленный говоръ.

САЛОНИКИ.

Мягкимъ полукругомъ у синѣющаго моря раскинулся городъ. Среди частой зелени акацій привѣтливо мелькаютъ красныя плоскія крыши бѣлѣющихъ домовъ, и минареты многочисленныхъ мечетей стройно высятся на яркой синевѣ неба. Вдали дымчато рисуются мягкія очертанія горъ. Тамъ, среди нихъ,—Олимпъ, жилище свѣтлыхъ и вѣчныхъ боговъ.

Вечеромъ набережная и поднимающійся амфитеатромъ городъ зажигаются уютными мерцающими огнями. На морѣ, какъ странные экзотическіе цвѣты, качаются и поблескиваютъ лодки всѣхъ цвѣтовъ. Вдалекѣ мелькаютъ огни далеко отстоящихъ отъ берега пароходовъ.

На первый взглядъ Салоники, какъ и многіе приморскіе города, очень живописны. Набереж-

ная полна разношерстной толпой. Юркій еврей-мальчикъ, непрестанно выкрикивая звонкимъ гортаннымъ голосомъ, продаетъ журналы. Мальчикъ въ фескѣ тормошитъ и не отстаетъ отъ прохожихъ, упрашивая взять у него какія-то необыкновенно яркихъ цвѣтовъ конфеты.

Тутъ же взрослые продавцы и продавщицы всевозможныхъ и невозможныхъ товаровъ.

Снуютъ вертлявые греки, жестикулируютъ многочисленные евреи, важно проходитъ англичанинъ, остановились и бесѣдуютъ медлительные турки, пристаютъ цыганки, чему-то хохочутъ маленькіе, греческіе солдаты, и всѣ въ бѣломъ, веселые матросы съ остановившагося въ гавани французскаго миноносца осматриваютъ проходящихъ женщинъ, которыя почти всѣ отличаются великолѣпными черными волосами и удивительно роскошными чертами смуглыхъ лицъ.

Повсюду уставлены столики безчисленныхъ кафе. На улицахъ не только пьютъ кофе и прохладительныя снадобья сомнительнаго свойства, но и обѣдаютъ. Обѣды эти обладаютъ чѣмъ-то притягательнымъ для здѣшнихъ обитателей. Garçon моей гостиницы съ нѣкоторымъ торжествомъ

подводитъ меня къ тротуарному столику «Voilà, monsieur»,—усаживаетъ онъ меня, объясняя, что всѣ сосѣдніе столы заняты, этотъ же удержанъ спеціально для меня.

Мелькающая мимо толпа сначала развлекаетъ меня. Но когда у моего столика появляется пара голодныхъ воющихъ собакъ, безпрестанно отгоняемая острымъ носкомъ лакейскаго сапога, за ними же цѣлая группа оборванныхъ дѣтей съ жадно горящими глазами, мнѣ становится непріятно и неловко за свой сытный обѣдъ.

Пахнущіе необыкновенно острымъ, какъ-будто восточнымъ запахомъ, но запахомъ, мало располагающимъ къ поглощенію и безъ того наперченныхъ и пряныхъ блюдъ моего обѣда, въ фантастическихъ лохмотьяхъ продавцы,—не то мужчины, не то женщины,—оборванные, грязные, несчастные, окружаютъ столикъ и что-то предлагаютъ. Голова начинаетъ кружиться, и становится противно сидѣть на тротуарѣ, особенно когда около меня цыганенокъ начинаетъ удачную охоту въ волосахъ своей подруги. Спѣшно расплачиваюсь и ухожу.

Иду въ турецкій кварталъ. Плоскіе дома съ по-

висшими надъ узкой улицей вторыми этажами, живописные закоулки, важно перебирающій четки мулла, и спокойно, на корточкахъ, возсѣдающіе турки за своимъ кофе,—все переноситъ въ другой, успокаивающій міръ. Безшумно проходятъ турчанки въ черныхъ или сѣрыхъ капюшонахъ, съ лицами, закрытыми темной вуалью. Невольно хочешь отдаться воспоминанію о далекомъ Востокѣ, всегда рисующемся сказкой.

Увы!—Навстрѣчу идетъ турчанка съ разрѣзомъ до колѣна, въ ажурныхъ чулочкахъ и слишкомъ обтянутой юбкѣ, а за ней несется столбъ удушливой, вонючей, чисто салоникской пыли.

Все перемѣшалось здѣсь—Востокъ съ Западомъ, красота съ грязью. Правъ былъ французъ, сказавшій про Салоники: «Sale et unique» (Salonique).

ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ САЛОНИКЪ.

Поистинѣ «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ». Вмѣсто того, чтобы, пробывъ день въ Салоникахъ, уѣхать на прекрасномъ итальянскомъ пароходѣ «Боснія», пришлось прожить въ этомъ миломъ городѣ шесть дней и ввѣрить свою судьбу старому и грязному французскому пароходу «Мемфисъ».

Каждый день, вставая съ надеждой увидѣть итальянскій пароходъ и видя лишь грязные греческіе пароходы, многочисленные, мало-по-малу накопившіеся путники ложились, утѣшенные увѣреніями агентовъ и коммиссіонеровъ: «Боснія» придетъ завтра утромъ.

Увы!—«Боснія» такъ и не пришла.

Потерявъ надежду выѣхать на «Босніи» въ какой-либо опредѣленный срокъ, я рѣшился ѣхать на «Мемфисѣ».

Эскортируемый французскимъ миноносцемъ этотъ пароходъ привезъ большое количество амуниціи для Сербіи и разгружался три дня въ салоникскомъ порту. Дважды я осматривалъ его, покрытый плѣсенью времени, дряхлый корпусъ, слушалъ ужасы о грязи и устройствѣ кабинъ и все никакъ не могъ рѣшиться предпринять восьмидневное путешествіе въ Марсель на старомъ грузовикѣ.

Однако, «Олимпійскій дворецъ», лучшая гостиница въ Салоникахъ, угощалъ вмѣсто нектара и амброзіи такими неудобоваримыми блюдами, Салоники отравляли существованіе такой ѣдкой пылью и острымъ запахомъ, обитатели же оказались такими жуликами, что, въ концѣ-концовъ, томимый при всемъ томъ зеленой скукой, я взялъ билетъ на «Мемфисъ» и, созерцая съ моря живописный полукругъ Салоникъ, распростился съ «Олимпійскимъ дворцомъ».

«Мемфисъ» оказался дѣйствительно грязенъ, скученъ, неудобенъ до невѣроятности; кормили на немъ, пожалуй, еще хуже, чѣмъ въ Салоникахъ. Командиръ, очень милый французъ, очевидно, всей душой страдалъ за неудобства своего парохода, но —увы! —помочь ничѣмъ не могъ. Что

можно было устроить на старомъ, грязномъ грузовикѣ!? Все-таки главное было то, что мы какъ-никакъ удалялись отъ Салоникъ и «Олимпійскаго дворца».

То высокіе, прорѣзанные яркими полосами разноцвѣтныхъ наслоеній, то низкіе, окутанные дымкой берега медленно тянулись передъ нами. Мы были уже недалеко отъ вывода изъ Салонинскаго залива, когда вдали показался дымокъ.

— Англійскій вспомогательный крейсеръ, — сообщилъ командиръ.

Небольшое, но съ грозно смотрящими пушками судно быстро приблизилось къ «Мемфису».

«Мемфисъ» выкинулъ рядъ сигналовъ. «Англичанинъ» отвѣтилъ, приказывая остановиться. Отъ него отдѣлилась и заколыхалась легкая шлюпка съ двумя офицерами, переводчикомъ и нѣсколькими матросами. Пассажиры заволновались. Дамы особенно,—дѣло было въ томъ, что почти ненагруженный узкій пароходъ при остановкѣ стало качать довольно сильно, и прекрасный, но слабый полъ чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо.

Прямой, какъ палка, рыжій офицеръ и его помощникъ, совсѣмъ еще юнецъ, съ револьверомъ

наготовѣ вскарабкались къ намъ на палубу, обошли пароходъ, заглянули въ трюмъ, провѣрили паспорта ѣдущихъ въ Болгарію (Деде-Агачъ) и тотчасъ же направились къ лодкѣ. Все продолжалось нѣсколько минутъ.

Церемонія кончается. Англійскіе рабочіе, ѣдущіе на о. Лемносъ строить госпиталь, поютъ: It's a long, long way to Tipperary» («Дологъ, дологъ путь до Типерэри», несуществующаго города, — популярная пѣсенка англійскихъ солдатъ). Матросы имъ что-то весело кричатъ. Лодка отваливаетъ и «Мемфисъ» продолжаетъ путь.

Воздухъ мягкій. Вѣтра почти нѣтъ. Свѣтитъ яркая луна. Кто-то наигрываетъ вальсъ. Пассажиры перезнакомились. Начался неизбѣжный флиртъ. Качки нѣтъ, и дамы болтаютъ безъ умолку. Въ третьемъ классѣ возятся дѣтишки.

Я вхожу въ каюту взять пальто. Зажигаю свѣтъ. Осталось двѣ-три минуты. Внезапно лампочка гаснетъ. Я слышу встревоженные шаги и голоса. Выхожу въ «салонъ». Полнѣйшая темнота. Въ чемъ дѣло? Мѣстность небезопасна отъ подводныхъ лодокъ. Ихъ видѣли гдѣ-то по близости. Всѣ огни должны быть потушены.

Пароходъ двигается, темный и мрачный, какъ призракъ. Настроеніе рѣзко мѣняется, дамы пріумолкли, и всѣ вглядываются въ серебрящіяся воды, быть-можетъ, таящія близкую гибель старому пароходу.

Вырисовываются красивыя, слегка изломанныя очертанія одинокой, далеко въ морѣ выдвинувшейся высокой горы. Это — Аѳонъ. Сквозь туманъ вдали чудятся какіе-то огоньки. Въ то время, какъ весь міръ, потрясенный кровавой трагедіей, волнуется, тамъ попрежнему возносятся мистическіе напѣвы монастырей.

И есть что-то отрадное въ той мысли и въ далекихъ огняхъ святой горы, словно пламя свѣта и мира колеблется въ нихъ, не затронутое ужасами войны.

Я долго приглядываюсь къ исчезающимъ въ лунной дымкѣ волнистымъ линіямъ горъ и, когда скрывается уже далекая точка Аѳона, засыпаю съ душой какъ-будто умиротворенной, успокоенной чѣмъ-то давно забытымъ, но прекраснымъ.

ПОРТЪ МУДРОСЪ.

Увидать островъ Лемносъ, главную базу союзнаго флота въ Средиземномъ морѣ, ту лабораторію, гдѣ подготовляются дарданелльскія атаки,—какъ не пожертвовать для этого прозаическимъ сномъ и не встать съ первымъ же лучемъ разсвѣта?!

Пассажиры «Мемфиса» такъ и рѣшили— лишь только послышится обычный при подходѣ къ порту шумъ на палубѣ, подниматься, вооружаться биноклями, кодаками и бѣжать наверхъ. Но, какъ водится, всѣ проспали, и, если бы я не попросилъ стюарта постучать мнѣ непремѣнно, когда покажутся берега острова, то, вѣроятно, меня постигла бы та-же участь.

Когда я вышелъ на пустынную палубу, въ розовомъ предразсвѣтномъ туманѣ непрерывною цѣпью волнистыхъ холмовъ уже тянулись мягкія очертанія Лемноса. Кое-гдѣ мерцали блѣдные огни.

Отъ берега отдѣлился, перерѣзалъ намъ путь и, оставляя далеко пѣнящійся слѣдъ, куда-то пробѣжалъ юркій миноносецъ. Другой прошелъ совсѣмъ близко около нашего парохода, круто повернулъ и скрылся въ еле замѣтный заливчикъ. Вспомогательный крейсеръ, тяжело дымя, показался и какъ-будто остановился вдали. Между нависшими скалами — уютная бухточка. «Мемфисъ» уменьшаетъ ходъ. Мы тихо плывемъ мимо. Опять выскакиваетъ проворный миноносецъ, а за нимъ виднѣется какое-то большое военное судно. Около каждой скалы, въ каждой извилинѣ берега, буквально въ каждомъ мало-мальски укромномъ уголку, я вижу то миноносецъ, то легкій крейсеръ, то, курящіеся изъ-за выступающихъ скалъ, дымки укрывшихся пароходовъ.

«Мемфисъ» поворачиваетъ. Открывается видъ въ глубокій заливъ. «Мемфисъ» выкидываетъ рядъ сигналовъ и осторожно, въ лабиринтѣ загражденій, входитъ въ портъ Мудросъ.

Да, это—портъ Мудросъ, стоянка дарданелльскаго флота! Я жадно вглядываюсь въ еще туманную даль. За перерѣзавшей заливъ косой виднѣется безконечный рядъ пароходныхъ дым-

ковъ. Отлого спускающіеся прибрежные холмы, какъ снѣгомъ, усѣяны палатками.

Въ заливѣ же справа и слѣва—большіе, маленькіе, всѣхъ размѣровъ крейсера, броненосцы, мелкія военныя суда и, наконецъ, грозные ряды мощныхъ, закованныхъ въ сѣрую броню дредноутовъ.

Я пробую считать попадающіяся крупныя суда, путаюсь и бросаю, пораженный грандіозностью зрѣлища. Между безконечными веретищами большихъ судовъ мелькаютъ легкіе миноносцы, моторныя лодки, катеры, простыя шлюпки, совсѣмъ на плоскости воды виднѣется палуба подводной лодки; своеобразный языкъ сигналовъ взвивается на адмиральскомъ броненосцѣ, передаваясь и варьируясь до смутно видной глубины залива. Пушки грозно открываютъ свою пасть, куда ни кинешь взглядъ. И чувство какой-то гордости и вмѣстѣ съ тѣмъ преклоненія передъ союзниками, передъ Англіей въ особенности, — «владычицей морей», — которая гдѣ-то на сѣверѣ держитъ еще большій, еще сильнѣйшій флотъ, возникаетъ въ душѣ, подавленный громадностью этой морской силы, перекинутой сюда отъ далекихъ береговъ родины.

Раздается пушечный выстрѣлъ. Приподнимаются новые флаги. Слышатся сигналы рожковъ. Флотъ встрѣчаетъ восходъ солнца. И нѣжные лучи золотятъ грозные силуэты дредноутовъ.

«Мемфисъ» останавливается. Какъ-разъ рядомъ съ большимъ трехъ-трубнымъ броненосцемъ. Что-то бѣлое, развѣвающееся на палубѣ броненосца, привлекаетъ мое вниманіе.

— Что это за бѣлые флаги? — спрашиваю капитана.

— Гдѣ вы видите бѣлые флаги!?

— Да, вотъ на палубѣ броненосца, — смотрите, сколько ихъ.

— Какіе же это флаги! Просто, матросы выстирали свои рубахи и повѣсили ихъ сушить.

Я приглядываюсь, вижу, что дѣйствительно какъ-будто сушатся рубашки. Мнѣ становится смѣшно. Очарованіе общей картины исчезаетъ, и я начинаю разбираться въ ея деталяхъ.

Шлюпки, полныя пересмѣивающихся и что-то кричащихъ другъ другу французовъ, въ характерныхъ матросскихъ рубашкахъ и шапкахъ съ помпонами, то-и-дѣло подплываютъ къ «Мемфису», принимая и сдавая почту своей дивизіи. Изрѣдка

показывается лодка съ чинными, строго сидящими англичанами. На берегу виднѣются ряды марширующихъ солдатъ въ «хаки». Среди всевозможныхъ военныхъ судовъ два невольно бросаются въ глаза: изящный, необыкновенно чистый крейсеръ, съ безчисленными высокими трубами (я насчиталъ пять); на немъ развѣвается Андреевскій флагъ: это—нашъ «Аскольдъ», единственный представитель русскаго флота у Дарданеллъ; рядомъ съ нимъ—неуклюжее, квадратное, плоско сидящее, какъ паромъ, сѣрое судно; это, очевидно, новый типъ мониторовъ, приспособленныхъ для Дарданеллъ, о которыхъ какъ-то писалось въ газетахъ.

Шумъ голосовъ и какое-то волненіе на нижней палубѣ прерываютъ мои наблюденія. Я слышу ясно: «Адмиралъ! Адмиралъ!» Четырехвесельная узкая лодка подъ парусомъ быстро подходитъ къ нашему пароходу. У руля, весь въ бѣломъ, съ крестомъ на шеѣ, сидитъ и правитъ адмиралъ (я легко узналъ его по гдѣ-то видѣнному портрету).

Адмиральская шлюпка ловко причаливаетъ. Маленькій, сухой, съ блестящими глазами, не-

обыкновенно подвижной адмиралъ вскакиваетъ на палубу, обмѣнивается привѣтствіями съ командиромъ, прикладываетъ руку къ козырьку, улыбается и раскланивается, проходя мимо пассажировъ. Онъ хочетъ видѣть сѣвшихъ въ Деде-Агачѣ бѣглецовъ изъ Константинополя и находящагося на борту атташэ румынскаго посольства. Со всѣхъ сторонъ кодаки трещатъ, не умолкая. Кстати сказать, по пріѣздѣ въ Марсель въ первый же день мы нашли одну изъ этихъ фотографій въ какомъ-то иллюстрированномъ журналѣ съ надписью: «Адмиралъ даетъ инструкціи командиру «Мемфиса». Какъ они успѣли это устроить—секретъ журнала.

— Адмиралъ, конечно, будетъ радъ поговорить съ русскимъ,—обращается ко мнѣ командиръ.— Если вы желаете, я васъ представлю.—Я хочу благодарить его и просить объ этомъ, но въ ту же минуту спокойной походкой съ развальцей на палубѣ появляется русскій офицеръ съ Георгіемъ въ петлицѣ. Это—командиръ «Аскольда».

На борту «Мемфиса»—одинъ изъ русскихъ консуловъ Балканскаго полуострова. Онъ здоровается съ Сергѣемъ Александровичемъ и представляетъ

ему насъ, немногихъ русскихъ, ѣдущихъ на пароходѣ.

— Сергѣй Александровичъ,—говоритъ онъ, — поддерживаетъ честь русскаго флота и какъ еще! «Аскольдъ» былъ отмѣченъ въ приказѣ по флоту за мѣткость стрѣльбы.

С. А. застѣнчиво улыбается и мѣняетъ тему, разспрашивая насъ о Россіи. Но консулъ неумолимъ:

— При этомъ, господа, обратите вниманіе на внѣшній видъ «Аскольда». Все вычищено, все на мѣстѣ, какъ на парадѣ.—С. А. только отмахивается рукой:

— Нѣтъ вы не отмахивайтесь, а лучше покажите моимъ друзьямъ ваши аппартаменты.

С. А. приглашаетъ насъ въ катеръ. Мы летимъ къ стройному корпусу крейсера, и черезъ нѣсколько минутъ мы—«на русской территоріи». Дѣйствительно, все вычищено до лоска, все блеститъ. И когда видишь, съ какой любовью С. А. проходитъ по своему крейсеру, бросая медленные, но зоркіе взгляды, то чувствуешь, что онъ «земли Русской не посрамитъ».

— Въ Дарданеллахъ намъ очень повезло. Нѣ-

мецкіе аэропланы сбросили на насъ бомбы. Онѣ упали совсѣмъ рядомъ съ «Аскольдомъ» справа и слѣва. До сихъ поръ удивляюсь, какъ онѣ въ насъ не попали,—спокойно разсказываетъ С. А.

Появляется шампанское. Мы пьемъ за дальнѣйшіе успѣхи «Аскольда», за славу русскаго оружія, за русскій флотъ.

Вѣстовой докладываетъ, что кто-то желаетъ видѣть командира. Черезъ минуту входитъ высокій длинноносый, рыжій англичанинъ. Онъ оказывается капитаномъ монитора, который такъ заинтересовалъ меня.

— Радъ видѣть русскихъ, очень радъ,—здоровается онъ.—Ваши войска сдѣлали и дѣлаютъ много. Но и мы здѣсь времени зря не тратимъ. Работаемъ, какъ слѣдуетъ, и все идемъ all right. Неправда ли, капитанъ?

И онъ разсказываетъ, какое трудное путешествіе пришлось ему вынести въ открытомъ морѣ на своемъ мелко сидящемъ суднѣ.

— Зато мы были вознаграждены въ Дарданеллахъ. Мы нанесли визитъ туркамъ, и они помнили насъ ровно 10 дней. Обстрѣлянныя нами батареи заговорили снова лишь на 11-й день послѣ нашего

визита и то очень слабымъ языкомъ. На мины мы, хотя и заходили далеко, не наткнулись, и предполагается, что моему судну онѣ не опасны.

Вокалы снова наполняются. Мы пьемъ за здоровье англійскаго капитана, за сближеніе Россіи и Англіи, за союзниковъ и т. д. Такъ много теперь, особенно на чужбинѣ, отъ души идущихъ тостовъ.

— Не скучаете такъ далеко отъ родины?— спрашиваю молодого офицера.

— Годъ я не видалъ моихъ близкихъ, мою невѣсту. Но, знаете, скучать-то некогда.

Увы!—«Мемфисъ» гудитъ: «Надо возвращаться»! Мы получаемъ на память открытки съ видомъ «Аскольда»; нашимъ дамамъ капитанъ проситъ передать черныя перевязи съ надписью «Аскольдъ», и, узнавъ, что дамы боятся нападенія подводныхъ лодокъ, смѣется и посылаетъ имъ какіе-то надувающіеся «спасательные ошейники».

Мы горячо жмемъ руку капитану, отъ души желаемъ ему и его храбрецамъ дальнѣйшихъ успѣховъ и, волей-неволей, ѣдемъ обратно на нашъ грязный «Мемфисъ».

Пароходъ трогается. Но ни грозные броненосцы, ни веселые транспорты-пароходы солдатъ, съ му-

зыкой проходящіе мимо, ничто уже не существуетъ для насъ. Мы только долго, безъ устали машемъ платками и салфетками немногимъ фигурамъ, еще виднѣющимся на палубѣ русскаго крейсера, и жаль намъ разставаться съ нимъ, какъ съ чѣмъ-то близкимъ дорогимъ, и не слушаемъ мы капитана, разсказывающаго о бодромъ настроеніи французскихъ моряковъ, объ ихъ остротахъ. Пока видны стройныя трубы «Аскольда», мы машемъ, машемъ безъ конца...

АѲИНЫ.

То исчезаютъ, то снова показываются волнистыя очертанія острововъ греческаго архипелага. Великая культура красоты когда-то цвѣла на нихъ, та сокровищница, изъ которой мы черпаемъ до сихъ поръ. Теперь эти острова пустынны. На голыхъ, холмистыхъ берегахъ лишь изрѣдка замѣтенъ человѣческій слѣдъ. Гдѣ же памятники великаго прошлаго? Гдѣ Греція,—Греція недостижимой скульптуры, великихъ мудрецовъ и прекрасныхъ боговъ? Увы!—время сгладило все. И только разъ въ лунномъ свѣтѣ на мысѣ, далеко выдавшемся въ море, мелькнула стройная колонна и около нея руины—портикъ, жертвенникъ. Мелькнула,—печальный и забытый памятникъ прошлаго.

Но въ Аѳинахъ вѣдь уцѣлѣлъ еще Акрополь, въ Аѳинахъ—музеи, въ Аѳинахъ прошлое должно храниться въ безчисленныхъ памятникахъ. Тамъ

каждая пядь земли носитъ отпечатокъ далекаго, но великаго времени.

Пароходъ стоитъ въ Пиреѣ 6 часовъ. Желѣзная дорога соединяетъ этотъ, какъ всякая гавань, шумный и грязный городокъ съ Аѳинами. Четверть часа ѣзды,—и мы въ Аѳинахъ.

Акрополь... Правительственный гидъ дастъ указанія—скучныя и нудныя, какъ всѣ объясненія такого рода.

Пропилеи, Парѳенонъ, знаменитыя каріатиды, имена Фидія, Перикла,—одна изъ прекраснѣйшихъ страницъ исторіи оставила неизгладимый отпечатокъ на этомъ холмѣ. Еще теперь въ уцѣлѣвшихъ колоннахъ чувствуется какая-то мощная гармонія линій. Хочется вглядѣться въ нихъ, свидѣтельницъ времени пышнѣйшаго расцвѣта эллинской культуры. Но гидъ торопится и ведетъ въ музей. Нѣсколько цѣнныхъ скульптуръ, а затѣмъ все имитація, имитація безъ конца. Лучшія произведенія эллинскихъ художниковъ, оказывается, находятся въ Британскомъ музеѣ!

Въ моемъ распоряженіи еще нѣсколько часовъ—какъ-разъ время объѣхать городъ и повидаться кое съ кѣмъ.

На улицахъ — невыносимый блескъ всюду сверкающаго мрамора и невыносимая пыль. Рядъ новыхъ зданій въ античномъ стилѣ—быть можетъ, красивыя въ иномъ мѣстѣ, здѣсь они кажутся святотатствомъ, профанаціей рядомъ съ остатками истинно великаго. Впрочемъ, слѣпящій мраморъ и пыль быстро отнимаетъ всякое желаніе болѣе тщательнаго осмотра греческой столицы.

Знакомый грекъ везетъ меня въ Ѳалеру, модный курортъ около Аѳинъ. По дорогѣ онъ обращаетъ мое вниманіе на пару дымящихся судовъ: «Нашъ флотъ»,—съ гордостью заявляетъ онъ.

Два старые броненосца, однако, внушительныхъ размѣровъ («на страхъ врагамъ» купленные недавно у Америки), недурный крейсеръ—вотъ и все. Впрочемъ, виноватъ, еще штукъ восемь миноносцевъ.

— «Это все?»—«Какъ все?»—«Весь флотъ!?»—«Да, почти».

Онъ смотритъ на «флотъ» съ видимымъ удовольствіемъ. Я думаю,—какъ назвалъ бы онъ эту «грозную» эскадру, побывавъ на о. Лемносѣ!?

На курортѣ завтракаемъ въ фешенебельномъ ресторанѣ. Всѣ столы заняты. Всматриваюсь въ

гречанокъ, жду хоть какого-нибудь отблеска прошлой красоты,—все тѣ же раскосыя лица, приплюснутые носы, какъ и въ Салоникахъ.

Куда же исчезъ классическій профиль?

И почему, хотя бы тѣ же сербы въ такой чистотѣ сохранили сильный славянскій обликъ, здѣсь же только черты вырожденія?

— Какъ дѣла?

— Дѣла хороши, только денегъ нѣтъ.

— У кого? У коммерсантовъ? У правительства?

— Ни у кого нѣтъ. Дѣла идутъ плохо. Правительство за послѣдніе мѣсяцы чиновникамъ и офицерамъ жалованья не платитъ?

— Позвольте, какъ же они существуютъ?

— Въ концѣ мѣсяца получаютъ расписки, что правительство имъ должно столько-то, и учитываютъ эти расписки у ростовщиковъ.

Просто, мило и дешево! Странно только, что при размѣнѣ французскихъ или англійскихъ денегъ на греческія теряешь до 15%.

Однако, деньги все-таки нужны, и главная надежда возлагается на Францію. Она вѣдь всегда выручала Грецію.

Я возвращаюсь на «Мемфисъ», опечаленный и недовольный. Прежней Греціи, прекрасной Греціи нѣтъ. Осталась бѣдная, маленькая страна.

Пароходныя дамы тоже очень недовольны. По ихъ свѣдѣніямъ, отъ Пирея до Мальты (двое сутокъ) должно непремѣнно качать. Поэтому имъ было необходимо достать въ Аѳинахъ какое-то патентованное средство противъ морской болѣзни. Онѣ его и достали.

— Но, представьте, какіе жулики! Въ двухъ аптекахъ продали какую-то гадость по ужасной цѣнѣ, увѣряя, что нужнаго намъ средства достать въ Аѳинахъ нигдѣ нельзя. А на сосѣдней улицѣ можно было купить сколько угодно!

Гидъ, переводчикъ, еще кто-то ихъ тоже надули такъ ловко, что даже впечатлѣніе отъ Акрополя стушевалось!

Однимъ словомъ, недовольны всѣ. Бѣдныя Аѳины, бѣдный городъ, такъ много переживш[illegible]й, такъ много давшій міру...

МАЛЬТА.

Мы обогнули Грецію ночью. Днемъ стало сильно качать. Дамы немедля приняли патентованное средство отъ морской болѣзни. Сѣвшій въ Лемсонѣ французъ-корреспондентъ предложилъ имъ услуги своего кодака:

— Mesdames, вы окупите, все путешествіе. Я сниму васъ, принявшихъ патентованное средство, здоровыхъ и веселыхъ, и рядомъ съ вами несчастныхъ, не запасшихся дивнымъ лекарствомъ и терпящихъ горькія муки. Мы пошлемъ снимокъ директору общества, которому принадлежитъ патентъ, и за сдѣланную рекламу возьмемъ съ него путевыя издержки.

Однако, несмотря на патентованное средство, дамы скрываются очень быстро, палуба вообще пустѣетъ, и мы остаемся одни съ французомъ.

Постепенно качка усиливается. Дуетъ рѣзкій вѣтеръ. На палубѣ становится холодно. Я иду въ каюту, дремлю, опять выхожу на пустую палубу, снова иду дремать. Я не болѣю, но голова становится тяжелой, аппетитъ пропадаетъ, дѣлать ничего не хочется. Время тянется необыкновенно медленно.

Мы должны были увидать берега Мальты въ 2 часа пополудни. Мы увидали ихъ послѣ 4-хъ.

— Опоздали,—говоритъ помощникъ капитана— насъ въ портъ не пустятъ. Въ шесть часовъ портъ закрывается.

Ужасная вѣсть доходитъ до дамъ, ужасная тѣмъ, что если мы, дѣйствительно, опоздали, всю ночь «Мемфису» придется качаться на волнахъ въ виду спасительной Мальты. Дамы устраиваютъ рѣшительную революцію, насколько это позволяетъ ихъ не совсѣмъ красивое состояніе. Къ капитану отправляется депутація мужей, которымъ, по обыкновенію, досталось больше всего. Но что же можетъ сдѣлать капитанъ? Онъ только пожимаетъ плечами и спасается на мостикъ.

Патрулирующее военное судно, высокій берегъ, узкій входъ въ заливъ—мы около Мальты. Пушеч-

ный выстрѣлъ—портъ закрытъ. Мы опоздали на пять минутъ!

Но «Мемфисъ» поворачиваетъ, направляется ко входу въ портъ. «Мемфисъ» впускаютъ. Командиръ былъ такъ любезенъ, что послалъ предупреждающую депешу съ просьбой сдѣлать исключеніе въ виду болѣзненнаго состоянія дамъ. Впрочемъ, такъ говорили, кто-то, однако, утверждалъ, что на «Мемфисѣ» и безпроволочнаго телеграфа-то нѣтъ! Какъ бы то ни было, пароходъ вошелъ въ портъ.

Опоясанный стѣнами временъ мальтійскихъ рыцарей, заливъ, узкій вначалѣ, расширяется и даетъ великолѣпную гавань. На скалистыхъ уступахъ береговъ—высокія каменныя постройки. Воздухъ необыкновенно мягокъ.

«Мемфисъ» останавливается. На борту появляется англійская полиція. Желающихъ сойти на берегъ просятъ визировать паспорта.

Пароходъ уходитъ рано утромъ. Пока длится церемонія просмотра документовъ, становится уже совсѣмъ поздно. Мы выходимъ на полчаса въ городъ Мальту (на островѣ есть еще значительный городъ—La Valette). Успѣваемъ выпить по чашкѣ кофе, прислушиваемся къ итальянскому

говору жителей, любуемся портомъ съ безчисленными разноцвѣтными огнями, смотримъ на достопримѣчательность Мальты,—головные уборы женщинъ, бросающіе глубокую тѣнь на лицо. Присоединявшійся къ намъ командиръ французскаго миноносца обращаетъ на нихъ наше вниманіе.

— Мальтійскіе рыцари давали обѣтъ безбрачія, но не дѣвственности. Чтобы можно было удобнѣе навѣщать рыцарей, дамы придумали эти шляпы. Когда женщина опускаетъ голову, разобрать, кто идетъ, нельзя.

Мы вспоминаемъ великихъ мастеровъ мальтійскаго ордена—La Valette, de Lille Adam, покупаемъ на память мальтійскіе кресты, когда-то отличительный знакъ мальтійскихъ рыцарей.

— Очень жаль, что намъ некогда прокатиться по Мальтѣ,—продолжаетъ словоохотливый капитанъ.—Бывшій дворецъ de Lille Adam, статуя La Valette, крѣпость, старые монастыри здѣсь удивительно интересны. Въ крѣпости—бастіоны опредѣленныхъ національностей, которые защищались рыцарями, принадлежащими къ данной національности. Есть французскій, германскій бастіоны. Наполеонъ отнялъ островъ у рыца-

рей, Англія отняла его у Наполеона. Очень, очень жаль, что вамъ не придется остаться на ночь здѣсь. Пароходъ уходитъ слишкомъ рано.

И прибавляетъ:

— Нехороша только мальтійская лихорадка. Иной разъ достаточно непривыкшему къ климату иностранцу побывать здѣсь ночь—смотришь, онъ и заболѣлъ!

Да, очень жаль, что нельзя переночевать на островѣ, но все-таки надо возвращаться на «Мемфисъ».

Рано утромъ меня будитъ возня на палубѣ. Я одѣваюсь и выхожу.

Прямо передо мной высится гигантскій корпусъ пловучей крѣпости. Вся изъ стали, съ защищенными трубами и мачтами. съ длиннымъ рядомъ батарей (и какихъ орудій), эта крѣпость несетъ флагъ французскаго адмирала. Передо мной—супердредноутъ «Courbé», судно адмирала Буэде-Лаперейръ.

— Смотрите, смотрите!—съ восторгомъ разсказываетъ командиръ миноносца.—Одинъ такой супердрэдноутъ стоитъ цѣлаго флота. Нѣтъ въ мірѣ военнаго судна, съ которымъ «Courbé» не могъ бы

помѣряться силами съ надеждой на успѣхъ. Но здѣсь не одинъ «Courbé». Тамъ дальше—«Jean Bart», «Patrie», великолѣпные крейсеры типа «Diderot», «Jean-Jaques Rousseau».

Одинъ за другимъ въ утреннемъ туманѣ выдвигаются закованные въ броню гаганты. И впечатлѣніе, долженъ сознаться, не меньше, чѣмъ на Лемносѣ. Такихъ великановъ я тамъ не видѣлъ.

— Французскій флотъ до войны бранили всѣ, кому не лѣнь,—продолжаетъ морякъ.—Мнѣ только жаль, что ему пока не пришлось показать себя. Мои товарищи скучаютъ безъ дѣла. Для Дарданеллъ, гдѣ старыя суда могутъ стрѣлять съ такимъ же успѣхомъ, какъ и новыя, ихъ слишкомъ жаль—наткнутся на мину, упадетъ шальная бомба съ аэроплана. Въ Адріатическомъ морѣ итальянцы обходятся своимъ флотомъ. Въ Сѣверномъ—у англичанъ дредноутовъ больше, чѣмъ нужно.

— Но до выступленія Италіи?

— До выступленія Италіи австрійскій флотъ прятался, какъ онъ прячется и теперь. Что мы только ни дѣлали,—оставляли далеко впереди слабосильныя суда, выпускали одни миноносцы,

посылали одного «Courbé», ловили, какъ звѣря на приманку! Ничего не вышло!

— Такъ ни разу и не пришлось перевѣдаться съ австрійцами?

— Нѣтъ, въ самомъ началѣ «Courbé» поймалъ ихъ крейсеръ. Съ моимъ миноносцемъ я былъ около «Courbé». «Австрійца» было прямо жаль. «Courbé» игралъ съ нимъ, какъ кошка съ мышкой. Одинъ залпъ—совсѣмъ рядомъ съ «Австрійцемъ». И какой залпъ! Бѣдный крейсеръ ждалъ, какъ осужденный на смерть ждетъ исполненія приговора. Еще одинъ залпъ. Крики, трескъ, пламя! Нѣсколько минутъ—крейсера больше нѣтъ, и мы подбираемъ тонущихъ матросовъ. Вотъ и все. Съ тѣхъ поръ мы не могли заставить принять сраженіе.

Я смотрю на мощные контуры супердредноута и его товарищей. На мѣстѣ австрійскаго адмирала, я тоже не рискнулъ бы выйти изъ надежной гавани.

— Да и какіе нѣмцы моряки! Создать сразу ничего нельзя. У нихъ нѣтъ опыта прошлыхъ войнъ, нѣтъ традицій. Вотъ они всѣ и сидятъ по укромнымъ угламъ—кто на сѣверѣ, кто на югѣ.

— Ну, а ихъ подводныя лодки?

— Подводныя лодки! Да что онѣ топятъ? Беззащитныя суда! Сравните число военныхъ судовъ, потопленныхъ союзными лодками, съ числомъ военныхъ же, пойманныхъ нѣмцами, и вы поймете, кто дѣйствительно воюетъ.

— Нѣтъ, monsieur, — заканчиваетъ онъ, — вы были на Мальтѣ, видѣли теперь часть нашего флота, на Лемносѣ видѣли соединенную эскадру, знаете, что у англичанъ есть еще флотъ, сильнѣйшій, чѣмъ все вами видѣнное. Плывите спокойно по Средиземному морю. безъ всякой опасности переѣдете Ламаншъ и, если нужно, такъ же спокойно переѣдете Сѣверное море. Eh bien! Вы должны сознаться, что мечты Германіи о великой роли на морѣ такъ и остались мечтами.

И я не могъ не сознаться, что старый морякъ былъ правъ.

Мимо туманныхъ очертаній Сициліи, между Сардиніей и Корсикой, съ ихъ выступающими берегами, мы приблизились черезъ два дня къ «милой Франціи».

За высокими, живописными скалами лежитъ

скрытый ими Тулонъ. Еще немного терпѣнія,— и мы передъ замкомъ d'If. Кому незнакомъ островъ, несущій стѣны и башни этого замка по знаменитому Монте-Кристо? На этотъ разъ мы не опаздываемъ. Мимо замка мы проходимъ въ Марсельскій портъ, пестрѣющій безчисленными коммерческими судами всевозможныхъ національностей. Быстрая провѣрка паспортовъ. Еще болѣе быстрый осмотръ багажа. Чиновники острятъ, смѣются, русскихъ весело привѣтствуютъ.

Улицы Марселя—солдаты въ хаки, въ синихъ капотье и красныхъ брюкахъ, въ новой свѣтло-голубой формѣ (говорятъ, этотъ цвѣтъ сливается съ горизонтомъ), въ фескахъ, въ кэпи, черные, смуглые, бѣлые. Шумъ, оживленіе, веселый говоръ, кафе, полныя народа.

Съ трудомъ достаю мѣсто въ скоромъ поѣздѣ. Усаживаюсь. Всюду—военные и безконечное разнообразіе формъ. Поѣздъ трогается. Черезъ 12 часовъ съ небольшимъ я буду въ Парижѣ.

ВО ФРАНЦІИ.

Французы—народъ легкомысленный, легко поддающійся первому впечатлѣнію, способный къ энтузіастическимъ порывамъ и такъ же легко остывающій, какъ загорающійся. Вотъ общераспространенное мнѣніе о французахъ.

Какіе во Франціи идеалы? Накопить денегъ, сдѣлаться rentier лѣтъ въ 40 и мирно докончить земной путь за стаканомъ вина или за рыбной ловлей.—Политическая жизнь? Партійныя скандалы, сенсаціонныя разоблаченія. Армія? Разъѣденная партійностью, антимилитаристической пропагандой. Француженки? О нихъ, обыкновенно, судили по тѣмъ милымъ, по легкомысленнымъ созданіямъ, которыя встрѣчаются массами на парижскихъ бульварахъ и составляютъ одинъ изъ предметовъ французскаго экспорта. Наконецъ,

въ чисто-дѣловыхъ кругахъ о французахъ создалось опредѣленное мнѣніе, какъ о людяхъ съ ограниченными взглядами, неспособныхъ къ созданію новыхъ рынковъ, мелочныхъ, узкихъ.

Будущее французской націи? Какъ часто приходилось слышать отзывы о Франціи, какъ о странѣ вырождающейся. Морфинизмъ, кокаинизмъ и прочіе «измы», абсентъ, уменьшающееся число дѣторожденій!

И вотъ началась великая война, своего рода экзаменъ на жизнеспособность европейскимъ націямъ.

Что же дѣлается во Франціи?

Партійной розни нѣтъ. «Политики» не существуетъ. «Union sacrée» (священное единеніе)—лозунгъ дня. Ген. Жоффръ, республиканецъ, работаетъ съ ген. Кастельно, начальникомъ ген. штаба,—монархистомъ. Такія газеты, какъ «Guerre Sociale», проповѣдуютъ войну до конца, до полнаго уничтоженія противника, и тонъ лѣвой печати по крайней мѣрѣ такъ же патріотиченъ, если не болѣе, какъ тонъ умѣренныхъ и правыхъ. Лѣвые соціалисты вступаютъ въ ряды правительства. Антимилитаристы становятся ярыми

проповѣдниками и дѣятелями войны. Необыкновенный энтузіазмъ охватываетъ сплотившуюся націю. И, что удивительнѣе всего, этотъ подъемъ наблюдается теперь—во второй годъ войны!

Я видѣлъ поѣзда, полные солдатъ, бывшихъ въ отпуску и ѣдущихъ на фронтъ. Марсельеза, пѣсни, шутки и смѣхъ! Въ вагонѣ мнѣ встрѣтился офицеръ съ лѣвой рукой на перевязкѣ:

— Куда направляетесь?

— На фронтъ. Конечно, много путнаго я не сдѣлаю, но могу писать, телефонировать. Мнѣ дали отпускъ на окончаніе леченія, но, знаете, сидѣть въ такое время безъ всякой пользы родинѣ нельзя.

Сотни разсказовъ о такихъ же раненыхъ офицерахъ, рвущихся на фронтъ, я слышалъ со всѣхъ сторонъ.

Ушли на фронтъ всѣ, способные носить оружіе, и, думается, и малоспособные, ибо освобожденные пересматривались раза четыре. Освобождены лишь тѣ, кто работаетъ на армію. Вся Франція превратилась въ одинъ громадный военный лагерь—линія сражающихся и за нею тылъ,

доставляющій фронту все, что нужно. И трудъ непрерывный, изнурительный рабочаго-француза— не знаю, легче ли онъ лишеній товарища, сидящаго въ траншеѣ. Частныя дѣла отошли на задній планъ. Все для спасенія націи!

А нація была въ опасности. Никто во Франціи не отрицаетъ теперь, что къ войнѣ не были готовы. Все, начиная съ формы и кончая тяжелой артиллеріей, надо было создать и создать въ то время, когда грозная лавина противника докатывалась почти до Парижа. Но все было создано. Какъ изъ-подъ земли, выросла и встала передъ Германіей армія, снабженная великолѣпной артиллеріей, неисчерпаемыми запасами снарядовъ, сытая, одѣтая, обутая, выносливая. Создались укрѣпленія, неопреодолимымъ барьеромъ преградившія нѣмцамъ путь. Помимо того, Франція сумѣла экипировать сербскую армію и дать ей все нужное, сумѣла помочь Россіи, посылая ей снаряды въ то время, какъ несравненно въ промышленномъ отношеніи болѣе развитая Англія не имѣла ихъ достаточно для собственной арміи. Чтобы оцѣнить усиліе, сдѣланное французами, надо помнить, что сѣверные департаменты Фран-

ціи (департаменты съ наиболѣе развитой промышленностью) до сихъ поръ заняты нѣмцами. Потребовалось героическое напряженіе военныхъ и рабочихъ силъ страны, чтобы спасти націю. И оно было сдѣлано.

Тамъ, гдѣ можно было замѣнить мужчину, тамъ, гдѣ работалось не для арміи, на первый планъ выступила «легкомысленная» француженка. Среди таможенныхъ чиновниковъ, трамвайныхъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ, въ мастерскихъ, на фабрикѣ, въ конторахъ француженка работаетъ, не покладая рукъ. Большія и отвѣтственныя дѣла ведутся женщинами. Гдѣ прежде сидѣло человѣкъ 10 мужчинъ, остается 2—3 женщины, и дѣло идетъ. Но работать приходится съ 8 час. утра до 8 час. вечера, и какъ работать!

Былого Парижа не узнать. Въ 10 часовъ все закрывается. Улицы скудно освѣщены. Какъ двигающаяся яркая звѣзда, дежуритъ ночной аэропланъ. Днемъ на бульварахъ еще есть большое движеніе. Но уйдите съ бульваровъ—и всюду пустота. Тамъ и сямъ пестрѣютъ надписи на бумагѣ трехъ національныхъ цвѣтовъ: «Ма-

газинъ закрытъ. Хозяева и служащіе мобилизованы».

Нѣтъ обычныхъ гуляющихъ въ Булонскомъ лѣсу (въ немъ вырубили лишь очень немного деревьевъ). Сколько женщинъ въ глубокомъ траурѣ на улицѣ! Какъ мало модныхъ и «шикарныхъ» костюмовъ! Мужчинъ почти не видно.

Я хочу полюбоваться на Булонскій лѣсъ осенью. Беру автомобиль (остались только закрытые и очень дряхлые). При въѣздѣ меня останавливаетъ жандармъ:

— Вашъ возрастъ?

— 30 лѣтъ.

— Почему же вы не на фронтѣ?

— Я—русскій.

— Ваши бумаги, позволеніе на прожитіе въ Парижѣ.

Я показываю ему паспортъ и «permis de séjour», ибо для того, чтобы жить въ Парижѣ, надо имѣть разрѣшеніе отъ парижской префектуры.

— C'est bon!

Я могу ѣхать дальше.

Но не только полицейскіе, француженки слѣ-

дятъ за штатскими еще строже. Подъ ихъ взглядами чувствуешь себя положительно неловко.

Инженеръ, 8 мѣсяцевъ просидѣвшій въ траншеяхъ и освобожденный по просьбѣ русскаго правительства, разсказываетъ мнѣ:

— Пріѣхалъ я домой. Конечно, общая радость. Иду переодѣваться, надѣваю штатское. Жена объявляетъ, что она со мной на улицу не выйдетъ, что носить теперь штатское стыдно. Такъ и заставила меня до отъѣзда ходить въ формѣ.

Но не только французы, негры изъ колоній съ воодушевленіемъ записываются въ создаваемые ген. Манженомъ полки и идутъ спасать далекую отъ нихъ, но прекрасную Францію. Какъ говорятъ, они чувствуютъ себя въ траншеяхъ прекрасно, не долюбливаютъ только артиллерійскій огонь и штиблеты, выданные имъ интендантствомъ. Когда приходитъ время итти въ атаку, они непремѣнно сбрасываютъ обувь и стремительно бѣгутъ на нѣмцевъ босикомъ.

Что же сплотило націю? Что создало этотъ неослабѣвающій подъемъ? Тотъ идеалъ французской націи, о которомъ за послѣдніе годы

мы забыли,—свобода, равенство и братство, слова, поистинѣ начертанныя не только на храмахъ и общественныхъ зданіяхъ, но и въ сердцахъ французовъ. За свободу маленькихъ странъ, за равенство сильнаго и слабаго, за братство людей, гибнувшее подъ натискомъ прусскаго кулака, поднялся весь французскій народъ, и неудержимая ненависть, давно тлѣвшая во Франціи, ненависть къ «les boches» (какъ зовутъ они нѣмцевъ) разлилась по всей странѣ. Ни территоріальныя пріобрѣтенія, ни какія-либо выгоды не нужны французамъ. Они хотятъ уничтожить преграду, поставленную нѣмцами мирному, культурному развитію народовъ.

Гдѣ же легкомысленный французъ? Гдѣ мелочный разсчетливый «буржуа»? Когда пробилъ часъ опасности для родной страны, когда показался надъ Франціей грозный призракъ желѣзнаго кулака, передъ изумленнымъ врагомъ всталъ сплоченный идейной борьбой, готовый на всякія жертвы великій народъ.

Только обычная веселость и живость напоминаютъ знакомаго намъ француза. Тѣ же остроты и шутки, тѣ же улыбающіяся лица всюду, несмотря ни на какія потери и жертвы.

Когда я разговаривалъ о дѣлахъ на фронтѣ, я слышалъ неизмѣнный отвѣтъ:

— О, Жоффръ знаетъ свое дѣло. Мы такъ укрѣпились, что нѣмцамъ не продвинуться ни на шагъ. Конечно, и нѣмцы укрѣпились очень. Но наша артиллерія становится сильнѣе. Запасы и выработка снарядовъ увеличиваются. Мобилизовано все, самыя маленькія мастерскія. И, повѣрьте, недалекъ тотъ день, когда нашимъ огнемъ укрѣпленія нѣмцевъ будутъ сметены. Vous verrez!

Можетъ быть, почти непрерывныя артиллерійскія атаки, о которыхъ говорятъ послѣдніе бюллетени французскаго штаба—заря того дня. Можетъ быть...

Но, главное, они вѣрятъ, что рано или поздно побѣдятъ. И не можетъ не побѣдить нація, сплоченная одной ненавистью къ врагу, одной горящей любовью къ идеалу и родинѣ!

Еще два слова—объ отношеніи къ русскимъ. Пораженій у насъ не существуетъ. Недостатковъ въ русской арміи нѣтъ. Только подвести больше снарядовъ—и русскіе скоро будутъ въ Берлинѣ. Поистинѣ, по отношенію къ намъ французы

(и общество, и пресса) «plus royal, que le roi lui-même»!

И та же глубокая вѣра у всѣхъ въ союзниковъ на востокѣ, какъ въ самихъ себя!

БУЛОНЬ—ФОЛЬКСТОНЪ—ЛОНДОНЪ.

Въ былое время, чтобы попасть изъ Парижа въ Лондонъ, вамъ нужно было только уложить свой багажъ, отправиться на вокзалъ минутъ за десять до отхода сѣвернаго экспресса, взять билетъ, —и черезъ 8 часовъ съ небольшимъ вы находились уже въ вашемъ лондонскомъ отелѣ.

Теперь это цѣлая исторія. Прежде всего вы должны итти въ русское консульство. Когда вамъ засвидѣтельствуютъ соотвѣтственной печатью на паспортѣ, что со стороны русскаго «начальства» препятствій къ путешествію вашему въ Англію нѣтъ, вы идете въ парижскую префектуру, ибо далѣе вамъ необходимо для выѣзда разрѣшеніе французскаго «начальства». Надо отдать справедливость русскимъ и французамъ — дѣло обходится безъ излишнихъ формальностей, и ждать

васъ по мѣрѣ возможности не заставляютъ. Но вамъ предстоитъ еще третье и горшее мытарство: вы должны получить позволеніе на въѣздъ въ Англію отъ англійскаго «начальства».

Вы отправляетесь къ англійскому консулу. О, ужасъ! Небольшая пріемная набита-биткомъ. Въ ней и стоятъ, и сидятъ. Но не только въ пріемной, — въ передней тоже стоятъ чающіе движенія воды. Англичане и американцы, по своему обычаю, устраиваются какимъ-нибудь чрезвычайно удобнымъ способомъ, вскарабкавшись на узенькій подоконникъ, на столы и всевозможные выступы комнаты, являя картину довольно живописную. Духота несказуемая. Всѣ ждутъ, красные и сердитые. Какой-то маленькій французъ съ англійскимъ акцентомъ выкликаетъ номера. Вашъ сосѣдъ спрашиваетъ:

— Что это за номера такіе?

Вы пожимаете плечами и остаетесь въ такомъ же недоумѣніи, пока болѣе опытный путешественникъ, сжалившись надъ вами, не укажетъ на еле замѣтную, маленькую книжечку отрывныхъ номеровъ, прикрѣпленную въ проходѣ. Надо брать номеръ очереди.

Номеръ взятъ, и вы начинаете ждать. Мнѣ пришлось просидѣть что-то очень долго—часа два. Я не могъ не подумать, — если бы заставляли постольку сидѣть у насъ, въ русскомъ консульствѣ, какіе бы слышались негодующіе возгласы! Если бы это было, наконецъ, въ пріемной французскихъ чиновниковъ — какой скандалъ!

Но здѣсь всѣ сидятъ молча и чинно, только отъ времени до времени вздыхая и посматривая на часы. Англичане! Ничего не подѣлаешь. Велятъ ждать — стало быть, такъ нужно. Но всему бываютъ конецъ. Меня и со мной еще двухъ-трехъ пустили въ святое-святыхъ.

Просматривается паспортъ, виза русскаго консульства, печать французской префектуры.

— Зачѣмъ вы ѣдете въ Англію?

Я объясняю цѣль поѣздки.

— Долго ли вы останетесь въ Англіи?

— Не знаю. Это зависитъ отъ хода дѣлъ.

— Не знаете? Очень странно.

Я начинаю испытывать нѣкоторый страхъ и думаю: не легкомысленно ли я поступилъ, уже запасшись у Кука билетомъ на Булонь — Фолькстонъ (ибо кратчайшій морской переѣздъ Калэ—

Дувръ для частныхъ лицъ закрытъ). Англичанинъ пристально смотритъ на меня, и, очевидно, благодаря моей физіономіи, внушающей безграничное довѣріе, уже спасшей меня отъ строгости греческаго санитарнаго чиновника, я спасаюсь и на этотъ разъ.

— All right, — цѣдитъ англичанинъ и кладетъ визу, объясняющую, что такой-то ѣдетъ въ Англію для того-то.

— Вашъ адресъ въ Англіи?

Я называю извѣстный въ Лондонѣ отель, но прибавляю:

— А если бы мнѣ пришлось остановиться въ другомъ мѣстѣ?

Но англичанинъ что-то мычитъ, предлагаетъ мнѣ расписаться и заплатить за испытанное удовольствіе $2^1/_2$ франка.

Рядомъ со мной несчастная испанка-актриса объясняется съ другимъ чиновникомъ, показываетъ ему свой контрактъ, но, кажется, никакъ не можетъ убѣдить, что ей все-таки надо ѣхать въ Англію.

Я поскорѣе забираю свой паспортъ и жадно вдыхаю на улицѣ воздухъ.

На другой день, какъ мнѣ посовѣтовали въ гостиницѣ, я заблаговременно ѣду на Gare du Nord. Пріѣзжаю. Увы! — Носильщиковъ нѣтъ. Двѣ дамы, по всѣмъ признакамъ — русскія, отчаянно мечутся и кричатъ:

— Porteur! Porteur!

Но голосъ ихъ остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Какой-то служащій любезно предлагаетъ пустую багажную телѣжку:

— Mesdames, кладите ваши вещи и везите. Носильщики мобилизованы.

Не знаю, чѣмъ кончилась исторія съ русскими дамами и ихъ безчисленными пожитками, ибо я рѣшилъ, пока не поздно, забрать свой небольшой багажъ и обойтись безъ носильщика. Но, предполагая, что въ дальнѣйшемъ меня можетъ постигнуть подобная же участь, чемоданы же мои, когда я ихъ понесъ, оказались почему-то невѣроятно тяжелыми, я надумалъ сдать все въ багажъ, оставивъ только небольшой ручной сакъ.

Прихожу сдавать багажъ.

— А таможенный осмотръ, monsieur?

— Какой таможенный осмотръ?

— Въ вашихъ чемоданахъ можетъ найтись восн-

ная контрабанда!—грозно заявляетъ мнѣ пріемщикъ и указываетъ, гдѣ надо дать чемоданы на таможенный просмотръ.

Таможенный служащій оказывается очень милымъ человѣкомъ. Я изъявляю намѣреніе открыть мою сумку.

— Не безпокойтесь, monsieur, — говоритъ онъ и ставитъ мѣломъ какой-то кабалистическій знакъ.

Багажъ принятъ. Я иду садиться въ вагонъ. Предъявляю билетъ.

— Вашъ паспортъ, monsieur!

Какъ на грѣхъ, паспортъ куда-то запропастился; шарю по всѣмъ карманамъ, задерживаю идущую за мною вереницу пассажировъ, конфужусь, но все-таки паспортъ нахожу и благополучно попадаю въ вагонъ.

Погода очаровательная. Мягкая осень Сѣверной Франціи. Поѣздъ до Амьена идетъ великолѣпно. Въ Амьенѣ мы совсѣмъ близко отъ фронта. Желѣзная дорога была во многихъ мѣстахъ повреждена, зимой кое-гдѣ еще виднѣлись сожженныя улицы. Теперь все въ порядкѣ. Въ самомъ

Амьенѣ Нѣмцы натворить ничего не успѣли. Собираютъ на Красный Крестъ.

Всюду солдаты и охранники изъ старыхъ территоріаловъ (вродѣ нашихъ ополченцевъ). Эти воины въ старинныхъ, смѣшно сидящихъ мундирахъ,—всѣ какіе-то сгорбленные, кривые и имѣютъ довольно жалкій видъ со своими ружьями. Они сами посмѣиваются надъ своимъ воинственнымъ нарядомъ и весело переговариваются съ настоящими солдатами.

По мѣрѣ приближенія къ Булони, начинаютъ все въ большемъ и большемъ числѣ встрѣчаться англійскіе солдаты въ хаки и картузахъ, виднѣются бараки для раненыхъ, по дорогамъ мчатся военные автомобили. Поѣздъ останавливается. Пассажиры раздаютъ подошедшимъ англичанамъ газеты и журналы. Солдаты благодарятъ, бодро смѣются и на вопросъ, какъ себя чувствуютъ, весело отвѣчаютъ:

— All right.

Поѣздъ идетъ медленно, останавливаясь, по мнѣнію пассажировъ, тамъ, гдѣ это совсѣмъ не нужно и не полагается. Впрочемъ, въ Булонь пріѣзжаемъ съ небольшимъ опозданіемъ.

Нѣкоторые пассажиры покушаются выйти. Но оказывается, что есть еще «морская Булонь», и торопиться пока не слѣдуетъ.

— Вотъ когда попадемъ въ морскую Булонь, тогда дѣйствуйте живѣе,—предупреждаетъ мой спутникъ по купе. Горькую правду его предупрежденія я понялъ, къ сожалѣнію, немного поздно.

Когда въ «Морской Булони» мимо меня бросились къ выходу какія-то дамы, я очень вѣжливо далъ дорогу и удивился, что онѣ даже не поблагодарили. За ними хотѣлъ-было юркнуть какой-то проворный господинъ, но господина я уже не пустилъ, спрыгнулъ со значительной высоты на полотно, ибо къ платформѣ нашъ поѣздъ не подашелъ, и пошелъ на станцію. На пути меня чуть не сбили съ ногъ стремглавъ мчавшіеся носильщики съ багажомъ.

Русскія дамы, которыхъ я замѣтилъ въ Парижѣ, въ отчаяніи звали носильщика, уносившаго ихъ драгоцѣнные свертки, но — увы! — онъ что-то прокричалъ невнятное и скрылся въ сплошной толпѣ, запрудившей платформу. Передъ дверью, защищенной двумя полицейскими, тѣснились пас-

сажиры съ дѣтьми, съ саквояжами; толкались, бранились. Когда впускали кого-либо въ дверь, происходило движеніе, и задніе напирали на передних, сдавливали такъ, что становилось трудно дышать. Ни очереди, ни порядка не соблюдалось. Кто сумѣлъ протискаться, тотъ и попадалъ въ желанную дверь. Впереди меня оказался пронырливый французъ, который, искусно лавируя и слегка работая локтями, не смотря на протесты остальной публики, потихоньку добирался и добрался наконецъ. Я воспользовался проложеннымъ путемъ и довольно скоро попалъ въ завѣтную дверь.

Четыре раза, то англичане, то французы за различными столами и барьерами смотрѣли для чего-то мой паспортъ, пока въ концѣ-концовъ осмотръ не былъ закрѣпленъ печатью.

Чрезвычайное подозрѣніе вызвало то обстоятельство, что въ одной изъ моихъ оффиціальныхъ французскихъ бумагъ я былъ названъ «Wassiliewitch», а въ другой: «Wassiliebitch».

— Развѣ это такъ важно? — говорю англійскому офицеру, замѣтившему эти компрометирующія данныя, — вѣдь въ паспортѣ, который вамъ и нуженъ главнымъ образомъ, я названъ про-

сто по имени и фамиліи безъ всякаго «Wassiliewitch'a».

Англичанинъ смѣрилъ меня неподвижными глазами:

— Вамъ это кажется неважнымъ. А я считаю, что это очень важно (very important, indeed).

Выручилъ меня его французскій коллега.

Ручной багажъ осмотрѣли мимоходомъ и пустили меня на пароходъ. Подхожу къ мосткамъ, ведущихъ на палубу. У меня что-то спрашиваютъ. Я не разслышалъ и, думая, что требуютъ билетъ, достаю и показываю куковскую книжечку. Нѣтъ, надо еще разъ лѣзть за паспортомъ.

Показываю паспортъ и облегченно вздыхаю, попавъ на пароходъ.

Мнѣ даютъ карточку, на коей по рубрикамъ я долженъ написать фамилію, возрастъ, полъ (?!), занятіе, зачѣмъ и куда именно я ѣду въ Англію.

Пароходъ набитъ пассажирами до невѣроятности. Спасительныя шлюпки приводятся въ готовность, но думается мнѣ, если что-либо случилось бы съ нашимъ пароходомъ, на нихъ умѣстилась бы, дай Богъ, третья часть пассажировъ.

Приготовленіе лодокъ производитъ на нервныхъ дамъ нѣкоторое впечатлѣніе.

Субмарины, слышу я, въ разговорахъ прекраснаго пола склоняются во всѣхъ падежахъ, и на всѣхъ знакомыхъ мнѣ языкахъ.

Булонь съ купающимися на пляжѣ дѣтьми и далеко выступающими мостками, вооруженными небольшими пушками, постепенно скрывается. Погода прекрасная, но мои соотечественники для предотвращенія морской болѣзни, къ общему изумленію пассажировъ, сосутъ лимоны.

Отъ времени до времени виднѣется дымокъ дежурящаго миноносца.

Вдругъ на кормѣ происходитъ движеніе. Всѣ бросаются, на что-то смотрятъ.

Дамы шепчутъ въ ужасѣ: «Субмарины» и со страхомъ взираютъ на черный предметъ, мирно плывущій по волнамъ. Предметъ, по ближайшему разсмотрѣнію, оказывается обломкомъ бревна. Притомъ же всѣ смотрятъ наверхъ, а, какъ извѣстно, субмарины летать еще не выучились. Дамы успокаиваются.

Я поднимаю глаза и на ясно-голубомъ небѣ вижу весь словно серебряный англійскій дирижабль. Мы долго провожаемъ блестящую точку.

ВЪ АНГЛІИ.

Пароходъ идетъ очень быстро, Черезъ часъ мы уже приближаемся къ Фолькстону. Но видѣть англійскіе берега мнѣ не приходится. Меня снова втискиваютъ въ толпу, ждущую какой-то очереди у курительной комнаты. Люди опытные, конечно, сидѣли преспокойно въ оной курительной комнатѣ и, когда понадобилось, вышли оттуда, занявъ первыя мѣста. Опять давка, духота; при этомъ пароходъ слегка покачиваетъ, и если мы не разбиваемъ другъ другу лбы и не отдавливаемъ ноги, то лишь потому, что стиснуты какъ «сельди въ бочкѣ». Съ кѣмъ-то дѣлается дурно. Чей-то ребенокъ пронзительно плачетъ. У двери появляется рослый англійскій полицейскій и начинаетъ по одному впускать пассажировъ. Операція производится необычайно медленно.

Прибывшіе подвергаются сначала медицинскому освидѣтельствованію, затѣмъ провѣряются ихъ паспорта, и происходитъ опять разбирательство, кто, куда и зачѣмъ ѣдетъ, наконецъ, рѣшается вопросъ, можно ли даннаго субъекта допустить къ высадкѣ въ Британскую имперію.

Въ меня всматривается какой-то господинъ въ цилиндрѣ и спрашиваетъ:

— Вы здоровы?

— Здоровъ, благодарю васъ.

Медицинскій осмотръ законченъ. Начинается обычная процедура съ паспортомъ и разспросы. Я отдѣлываюсь сравнительно быстро, но со многими бесѣда тянется томительно долго. А одну русскую даму мнѣ приходится выручать и гарантировать, что она не шпіонка и не ѣдетъ съ намѣреніемъ погубить Англію. Она имѣетъ несчастіе носить фамилію, показавшуюся англичанину похожей на французскую.

— Какъ! Съ французской фамиліей вы говорите только по-русски, по-французски почти ни слова?— говоритъ онъ ей и, ядовито улыбаясь, прибавляетъ:

— Вы говорите по-нѣмецки, вѣроятно, лучше, чѣмъ по-французски?

У несчастной отъ страха отнимается языкъ, и въ тотъ моментъ даже по-русски она, думаю, врядъ ли сумѣла бы произнести что-либо внятное.

— Вы проѣзжали черезъ Болгарію. Вы не говорите по-французски. Я не могу позволить вамъ сойти на берегъ.

Кое-какъ, съ моей помощью, инцидентъ уладили.

Таможенный осмотръ.

— Нѣтъ ли у васъ писемъ и бумагъ?

И горе вамъ, если таковыя имѣются, да еще на русскомъ языкѣ! Все будетъ перерыто, и, если непонятно, безжалостно уничтожено.

Видя какъ безконечно долго копаются въ чемоданахъ, ожидая найти вѣроятно тайныя бумаги и адскія машины, я внутренно возблагодарилъ Провидѣніе, внушившее мнѣ благую мысль сдать всѣ вещи въ багажъ.

Тѣмъ не менѣе, первый лондонскій поѣздъ я прозѣвалъ, да врядъ ли кто и успѣлъ на него попасть. Хорошо было уже и то, что я попалъ на второй. Усталъ я за день, какъ если бы я путешествовалъ по крайней мѣрѣ недѣлю.

Со мною садится господинъ типично-москов-

скаго вида и, принявъ меня за француза, съ видимымъ возмущеніемъ обращается ко мнѣ:

— Нѣтъ, скажите пожалуйста, похожъ я на турка или нѣтъ?

— Конечно, нѣтъ,—съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ успокаиваю я его.

— Помилуйте, я—курьеръ русскаго посольства. Показываю паспортъ, курьерскую бумагу, запечатанные пакеты нашего посланника, и вдругъ этотъ господинъ меня спрашиваетъ: «Итакъ, вы турецко-подданный?»:

Онъ разстроенъ, какъ видно, до глубины души тѣмъ, что въ немъ нашли сходство съ оттоманами.

Я смѣюсь и говорю:

— Хороши бы вы были, несмотря на всѣ ваши бумаги и спѣшныя депеши, если бы, не вслушавшись, вы отвѣтили утвердительно.

На стѣнкѣ отдѣленія замѣтка—слѣдуетъ закрывать окна, въ виду возможной атаки вражеской воздушной силой.

Я вспоминаю о цеппелинахъ, но чувствую такую непреодолимую усталость, что засыпаю покойно и просыпаюсь уже въ Лондонѣ.

Носильщиковъ сколько угодно. Тотчасъ же

находится таможенный служитель. Конечно, роется въ моемъ багажѣ, но я чувствую себя уже на мѣстѣ и терпѣливо жду. Торжественно вынимается флаконъ духовъ, купленный мною въ Парижѣ и еще запечатанный. Чтобы успокоить досмотрщика, я распечатываю флаконъ, брызгаю духами на чиновника и носильщика, всѣ смѣются, и все кончаются къ общему удовольствію.

Усаживаюсь въ удобный, чистый автомобиль и мчусь (ибо здѣсь мчится все и вся—и автомобили, и лошади, и люди) по лондонскимъ улицамъ. Всегда нѣсколько жуткій со своими закопченными домами, Лондонъ кажется еще мрачнѣе при скудномъ освѣщеніи замазанныхъ и прикрытыхъ фонарей. Но движеніе не меньше, если не больше, чѣмъ до войны. Летятъ безконечными вереницами автомобили, гудятъ «автобусы», толпятся пѣшеходы,—какъ будто все идетъ попрежнему.

Въ гостиницѣ съ трудомъ и за необыкновенно высокую плату достаю комнату. Взбираюсь на постель и засыпаю съ сознаніемъ, что длинный путь конченъ, я—въ Лондонѣ.

ЦЕПЕЛИНЪ НАДЪ ЛОНДОНОМЪ.

На другой день надъ Лондономъ виднѣлись два наблюдающихъ воздушныхъ шара. Когда стемнѣло, лучи прожекторовъ, какъ свѣтящіяся щупальцы сказочнаго чудовища, появились на прекраснымъ звѣзднымъ небѣ. Они перекрешивались, сплетались, расходились и пропадали въ темнотѣ сентябрьской ночи.

Накапунѣ поздно вечеромъ гдѣ-то близко были цеппелины.

Гдѣ они побывали, что сдѣлали—объ этомъ говорить всѣмъ знающимъ строго воспрещено. Въ газеты проникаютъ лишь очень скудныя свѣдѣнія, ограничивающіяся, главнымъ образомъ, сообщеніемъ количества убитыхъ и раненыхъ.

Тѣмъ не менѣе, подавая утренній кофе, расторопный итальянецъ-лакей не замедлилъ мнѣ доложить:

«Si monsieur desire, я могу дать названіе мѣстности, гдѣ цеппелины бросили бомбы. Быть можетъ господинъ желаетъ посмотрѣть на причиненныя ими разрушенія»?

Такимъ образомъ я получилъ точныя указанія, гдѣ были цеппелины, что они натворили и вечеромъ, когда выбрался свободный часъ, поѣхалъ смотрѣть на плоды ихъ дѣлъ.

Что цепелины пролетѣли недалеко отъ меня, я узналъ только изъ сообщенія моего лакея, хотя, ложась въ постель, и слышалъ звуки, напоминающіе небольшую канонаду, но не придалъ имъ значенія и преспокойно спалъ всю ночь.

Около улицы, на которую попала бомба, оказалась сплошная толпа народа. Говоръ, смѣхъ, прибаутки и остроты на счетъ нѣмцевъ.

Кое-какъ я протискался сквозь толпу. Увы! улица была перегорожена версвочнымъ барьеромъ, и внушительный полицейскій стоялъ на тротуарѣ, никого не пропуская за веревку. Снабженные рефлекторами, направляющими свѣтъ внизъ, мрачные фонари тускло освѣщали по виду бѣдную улицу рабочаго квартала. Я вглядывался, сколько могъ, но ничего особеннаго не видѣлъ.

Наконецъ, обратился къ внушительному полицейскому съ просьбой разсказать мнѣ, что же именно здѣсь случилось. Онъ молча указалъ на зіяющее между двумя домами пространство, которое я принялъ за свободный проходъ. Оказалось, что тамъ былъ домъ, въ который попала бамба. Теперь, въ темнотѣ, кромѣ совершенно пустого пространства, я ничего не могъ разобрать. Очевидно, домъ былъ разрушенъ до основанія. Я поблагодарилъ внушительнаго полицейскаго и отправился восвояси.

Было уже 10 часовъ. Неугомонныя лондонскія улицы, тускло освѣщенныя рѣдкими и закрытыми сверху фонарями, гудѣли своей шумной, со времени войны наружно мало измѣнившейся жизнью. Я медленно раздѣлся, прочелъ краткое газетное сообщеніе о «подвигахъ» цеппелиновъ, потушилъ свѣтъ и готовъ былъ отдаться во власть успокаивающихъ чаръ Морфея.

Меня разбудилъ отдаленный пушечный выстрѣлъ, за нимъ цѣлый рядъ все учащающихся залповъ. Выстрѣлы приближались, около моего окна послышался нервирующій шумъ пропеллера, и комната вдругъ освѣтилась сквозь щель зана-

вѣски, обязательной для лондонскихъ оконъ, яркимъ лучемъ прожектора. Я вскочилъ, накинулъ на плечи пальто и выбѣжалъ на балконъ.

Совсѣмъ рядомъ съ моимъ отелемъ, но высоко въ воздухѣ висѣлъ медленно двигающійся сигарообразный силуэтъ цеппелина. Освѣщенный серебристыми лучами прожекторовъ, онъ, казалось, намѣчалъ себѣ жертву. Вдругъ около него показался свѣтящійся и мигомъ разлетѣвшійся шаръ, другой, третій. Канонада усилилась до чрезвычайности. Было ли то подсказавшее мнѣ воображеніе или дѣйствительность, но что-то круглое и темное на фонѣ прожекторовъ отдѣлилось отъ цеппелина, и въ ту же минуту въ двухъ мѣстахъ вспыхнуло яркое пламя. Раздались пронзительные свистки мчащихся пожарныхъ командъ. Пламя казалось совсѣмъ близко. Я побѣжалъ одѣваться.

Когда я вновь вышелъ на балконъ, цеппелинъ уже исчезъ. Но все небо, какъ мелькающими звѣздами, тамъ и сямъ озарялось вспыхивающими прожекторами аэроплановъ. Пламя же росло и показывалось въ другой части города, заливая горизонтъ и рѣку кровавыми отблесками.

Скорѣе на пожаръ, несмотря на предписаніе полиціи въ случаѣ налета цеппелиновъ оставаться по домамъ! Вся гостиница была уже на ногахъ. Автомобили брались съ бою. Когда я, наконецъ, въ вереницѣ другихъ автомобилей попалъ на пожарище, казалось, весь городъ былъ уже тамъ, и добраться ближе къ мѣсту несчастья было невозможно. Я видѣлъ только разбитыя силой взрыва стекла сосѣднихъ домовъ.

Прокатила карета медицинской помощи. Толпа стояла спокойно, и только изрѣдка слышались возгласы по адресу нѣмцевъ: «Это не война! Это убійство беззащитныхъ жителей!»

Черезъ часъ пожаръ былъ прекращенъ. Городъ успокоился. Только нервныя дамы моей гостиницы никакъ не могли заснуть, все ожидая возвращенія «воздушныхъ викинговъ».

Чувствуя что ихъ разговоры и волнующаяся ходьба по коридору заснуть не дадутъ, я подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пишу эти строки.

Завтра мы, конечно, узнаемъ, что были убиты мирные жители, женщины и дѣти. Лондонцы обмѣняются спокойно, какъ и въ предыдущій разъ, впечатлѣніями минувшей ночи, озлобленіе противъ нѣмцевъ еще болѣе усилится, будетъ произнесенъ на всевозможныхъ углахъ и площа-

дяхъ рядъ подобающихъ рѣчей, прибавятся патріотическія, призывающія въ ряды арміи вывѣски, и, дѣйствительно, новые волонтеры вступятъ въ число англійскихъ солдатъ. Вотъ обычный результатъ воздушныхъ экскурсій нѣмцевъ надъ Англіей.

Нелѣпость, ненужная жестокость, до сихъ поръ не оправдавшая себя. Ибо развѣ можно считать серьезнымъ результатомъ пожары, прекращенные въ теченіе какого-нибудь часа! И стоитъ ли для достиженія подобнаго эффекта убивать и калѣчить десятки женщинъ и дѣтей!

ЛОНДОНСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Къ громадному, красиво освѣщенному подъѣзду первокласснаго отеля одинъ за другимъ безпрерывной вереницей подкатываютъ автомобили. Дамы въ сильно декольтированныхъ вечернихъ платьяхъ, изящные фраки и смокинги толпятся въ роскошномъ вестибюлѣ и шумной, веселой струей вливаются въ громадный залъ, весь уставленный элегантно сервированными столиками. Стеклянная перегородка отдѣляетъ другой залъ съ танцующими парами; совсѣмъ въ глубинѣ бьетъ освѣжающій фонтанъ. Оркестръ гремитъ. Негръ выдѣлываетъ на барабанѣ нѣчто невѣроятное; ему не уступаетъ другой оркестрантъ, что-то непрерывно возглашающій въ рупоръ и отъ времени до времени издающій совсѣмъ дикіе звуки.

Дамы въ модныхъ, необыкновенно короткихъ платьяхъ, съ очень открытыми спиной и шеей,

танцуютъ съ увлеченіемъ. Что именно—разобрать невозможно. One step, two step,—все сливается въ какія-то однообразныя въ общемъ движенія, но очень различныя, смотря по темпераменту танцоровъ. Движенія и жесты нѣкоторыхъ паръ напоминаютъ былые дни Moulin Rouge и Monmartr'a.

Всѣ столы заняты. Шампанское свѣтится въ бокалахъ великолѣпнаго хрусталя. Въ проходѣ вывѣшены только-что полученныя депеши—германскія и русскія сообщенія о ходѣ европейской войны.

Что же это? Гдѣ я? Въ нейтральной странѣ, наживающей войной деньги, или среди народа, такъ далеко стоящаго отъ кровавой трагедіи, что даже отголоски ея, въ видѣ оффиціальныхъ свѣдѣній воюющихъ сторонъ, мало тревожатъ аборигеновъ?

Неужели это лондонскій отель? Неужели сидящая публика—англичане?

Да, это тотъ самый городъ, который недавно бомбардировали цеппелины, и жители котораго, по нѣмецкимъ свѣдѣніямъ, на ночь прячутся въ погреба, трепеща отъ страха.

Но, можетъ быть, шумъ и движеніе въ этомъ отелѣ—случайность, извѣстной контингентъ богатѣйшаго класса, войной мало затронутаго? Еще не поздно—11 часовъ. Какъ разъ кончаются театры. Вы идете на Pieccadilly Circus, центръ театральной жизни въ англійской столицѣ. Попробуйте перейти улицу. Безконечные ряды автомобилей, тяжело ѣдущіе автобусы, сплошная толпа выходящихъ изъ театровъ загородили ее непроницаемой стѣною. Рестораны, гдѣ еще можно поужинать, набиты-биткомъ; всюду весело звучитъ ресторанная музыка. Нѣтъ, это не одинъ извѣстный отель, пріютившій часть лондонскаго beaumonde'a,—весь западный Лондонъ, такъ-называемый Westend, живетъ полной жизнью, такой жизнью, которую мы привыкли встрѣчать въ Лондонѣ въ обычное время.

Въ половинѣ перваго закрываются рестораны но уютными огнями свѣтятся сотни ночныхъ клубовъ. Попасть въ нихъ—нѣтъ ничего проще. Любой автомобиль везетъ иностранца, по желанію, въ клубъ. Швейцаръ гостепріимно отворяетъ двери. Распорядитель немедля записываетъ васъ членомъ даннаго клуба. И къ вашамъ услугамъ всю ночь—

вино, дамы еще сильнѣе декольтированныя, танцы еще болѣе разнузданные.

Но все же вѣдь это Westend, та часть Лондона, гдѣ бѣднота мало замѣтна. Но рабочіе кварталы, но знаменитая Whitechapel—тамъ, конечно, должна чувствоваться война съ врагомъ, всю ненависть свою обратившимъ на Британскую имперію. Берите автомобиль и медленно проѣзжайте по Aldgate, въ кварталѣ, гдѣ ютится ужасающая бѣднота Лондона.

Несмотря на поздній часъ, на открытомъ воздухѣ въ палаткахъ торгуютъ мясомъ, рыбой, овощами, одеждой и всякими иными возможными и невозможными товарами. Такая же густая толпа, какъ и на Piccadilly, но только грязно и бѣдно одѣтая. Однако всюду—смѣхъ и шумъ. Играютъ ручные органы. Покачиваются выпившія женщины. То же впечатлѣніе встревоженнаго темнаго муравейника, какъ и всегда.

Это—Лондонъ ночью, но Лондонъ днемъ, и прежде всего дѣловой Лондонъ, Сити,—тамъ, въ кругахъ серьезныхъ дѣльцевъ, должны учитывать тяжести несомой войны, грядущую тяжесть величайшаго въ исторіи Европы военнаго бюджета.

Дѣловая жизнь кипитъ попрежнему, пожалуй, даже больше, чѣмъ прежде. Зайдите въ банки, въ крупныя конторы, не говоря уже о фабрикахъ,— всюду интенсивная работа, всюду непрерывная громадная дѣятельность, и всюду циркулируетъ золото! Но, вѣроятно, это чисто внѣшнее. Поговорите съ этими вѣчно спѣшащими, занятыми людьми, постарайтесь урвать нѣсколько минутъ у директора одного изъ крупнѣйшихъ банковъ.

— Все идетъ all right. Война будетъ доведена до конца. Золота достаточно. Промышленность наживаетъ. Наживаютъ предприниматели, наживаютъ рабочіе, и наживаетъ правительство. Какъ вы, можетъ быть, знаете, правительство теперь участвуетъ въ прибыляхъ многихъ дѣлъ. Жизнь стала дороже, но и барыши каждаго больше. Все all right, Sir,—И онъ даетъ понять, что тема исчерпана.

Послѣ его словъ, васъ уже не удивляютъ дамы, флапирующія, какъ и прежде, въ шикарныхъ магазинахъ Westend'а, полные театры съ обычными обозрѣніями, фокусниками, танцорами и юмористическими «скэтчами», мало смѣшными для васъ, но почему-то необыкновенно веселящими

всякой срундой англійскую публику. Васъ, наконецъ, не удивляетъ то, что въ концертахъ даютъ вещи Вагнера, Брамса, Баха, и многочисленная публика шумно аплодируетъ. Васъ не удивляетъ, что сообщенія русскія и нѣмецкія разбираются въ одной и той же передовой статьѣ военнаго обозрѣвателя. Что тамъ и здѣсь рабочіе бастуютъ, требуя большей платы, что обязательной воинской повинности нѣтъ, ибо пока ся не желаетъ «меньшинство». Что въ Гайдъ-Паркѣ—тѣ же политическіе и религіозные проповѣдники. Вы начинаете сознавать, что передъ вами нѣчто новое,—страна воюющая и войны, по силѣ своей, не чувствующая.

По-истинѣ, велика такая страна и велика такая нація! Велика потому, что все же дала она союзникамъ много, очень много. Мощный флотъ, контролирующій всѣ моря, изъ нечего созданная двухмилліонная армія добровольцевъ и деньги, деньги безъ конца!

Но въ чемъ-нибудь должны же сказаться хоть отдаленные, но грозные раскаты военнаго грома. Да, надъ Лондономъ летали цеппелины. Кто ихъ видѣлъ,—пережилъ красивую и страшную картину. Но Лондонъ, со своимъ 7½-милліоннымъ

населеніемъ, при системѣ англійскаго строительства небольшихъ котэджей, раскинувшійся чрезвычайно широко, такъ великъ, что только сравнительно небольшая кучка пережила дѣйствительно волнующее зрѣлище. Многіе или слышали только канонаду, или просто спали. Но всѣ одинаково забыли о цеппелинахъ. Только вечеромъ окна непремѣнно занавѣшиваются, фонари на улицахъ притушены, у подъѣздовъ отелей, оконъ и магазиновъ устроены щиты. Первое впечатлѣніе, при громадномъ лондонскомъ движеніи, отъ этого полумрака на улицахъ, гудящихъ, непрерывнымъ потокомъ идущихъ и ѣдущихъ, пожалуй, нѣсколько зловѣще. Но вы быстро привыкаете къ ослабленному освѣщенію и, пробывъ въ Лондонѣ недѣлю, чувствуете себя вечеромъ, какъ если бы ничего особеннаго и не было.

Если вы присмотритесь внимательно, на крышахъ нѣкоторыхъ выдавшихся зданій, на возвышеніяхъ около Темзы, вы увидите дежурящаго морского солдата (ибо Лондонъ защищается адмиралтействомъ) и пушки. Наконецъ, вамъ покажутъ издали дома, разрушенные бомбами цеппелиновъ (близко публика не допускается).

Но все это сравнительно съ захватывающей громадностью лондонской жизни такъ ничтожно. Слегка непріятное впечатлѣніе скоро изгладится. Вамъ будутъ напоминать о томъ, что Англія все-таки воюетъ, лишь безпрерывно, въ громадномъ количествѣ встрѣчающіеся «люди въ хаки»—и офицеры, и солдаты. Но и они скоро примелькаются, потому что въ концѣ-концовъ, несмотря на «хаки», видъ у нихъ самый мирный,—оружія они не носятъ никакого, за исключеніемъ палокъ и хлыстиковъ.

Нѣкоторое время васъ займутъ процессіи съ военной музыкой и спичи, призывающіе молодежь на защиту родины. Васъ заинтересуютъ какія-то странныя картины и объявленія, какъ-будто торговыя рекламы, то изображающія рядъ солдатъ, то трубача, играющаго сборъ, то Англію въ видѣ воинственной женщины съ мечомъ, вставшей на защиту разоренной Бельгіи. Эти картинки, иной разъ довольно хорошо выполненныя, иной разъ совсѣмъ аляповатыя, на заборахъ, стѣнахъ домовъ, трамвайныхъ вагоновъ, станціяхъ подземной дороги, окнахъ кафе, магазиновъ, покажутъ вамъ, что Китчиперу пришлось быть не только создате-

лемъ большой арміи изъ совершенно сырого матеріала, но прежде всего и хорошимъ режиссеромъ, увлекающимъ за собою публику.

Процессіи, спичи и эти объявленія—они сдѣлали свое дѣло. Приглядитесь къ объявленіямъ. Они, какъ нѣчто намъ совершенно чуждое, очень любопытны.

«Англія ожидаетъ, что всякій исполнитъ свой долгъ».—«Сбирайтесь вокругъ родного знаменія».—«Вы гордитесь успѣхами и героизмомъ вашихъ товарищей, но что скажутъ о васъ!?»

— «Стойте! Подумайте, что было бы съ Англіей, если каждый, какъ вы, не вступалъ бы въ ряды арміи его величества?»—«Что отвѣтите вы вашимъ дѣтямъ, когда они спросятъ васъ: папа-а почему ты не участвовалъ въ великой войнѣ?».

И тутъ же картинка, соотвѣтственно изображающая сконфуженнаго отца и недоумѣвающаго сына, Съ юморомъ изображенный старикъ-трубачъ раздуваетъ обѣ щеки, держа огромный рожокъ: «Слышите призывъ? Идите занимать ваши мѣста!» Здѣсь же нарисованъ рядъ выстроенныхъ солдатъ, а между ними зіяетъ пустое мѣсто. «Что же вы не занимаете свое мѣсто?!»—На ряду съ этимъ—тра-

гическія напоминанія: «Припомните Скарборо! Припомните «Лузитанію!» и практическія сентенціи: «Каждый новый рекрутъ означаетъ шагъ къ миру».—«Если вы не можете самъ вступить въ ряды арміи, доставьте ей рекрута».—И т. д., въ томъ же родѣ.

Конечно, не только эта бутафорія, но сознаніе долга, такъ сильно развитое въ душѣ всякаго истаго англичанина, увлекло сотни тысячъ въ ряды британскихъ войскъ. Потому и говорятъ сочувствующіе введенію воинской повинности: «Англія лишается своихъ лучшихъ людей. Настоящіе англичане гибнутъ въ траншеяхъ, безсознательные остаются спокойно дома».

Вотъ и все, что напоминаетъ въ Лондонѣ о войнѣ. Я не могу не сказать въ заключеніе, выражая невольно поднявшееся чувство:

— Да, Англія дала много.

Но она такъ велика, такъ богата, такъ организована, что пока она все еще лишь громадный резервъ союзниковъ.

Она можетъ дать больше, и, я вѣрю, дастъ!

Если мнѣ возразятъ, что нельзя же всего тре-

бовать отъ Англіи—и поставки нужнымъ союзнымъ арміямъ товаровъ, и солдатъ, и флота, и денегъ,—я отвѣчу:

— Ей много дано, а «кому много дано, съ того много и взыщется».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

НОВАЯ БИБЛІОТЕКА

№ 1. Акад. В. М. Бехтеревъ. — ВИЛЬГЕЛЬМЪ — ДЕГЕНЕРАТЪ НЕРОНОВСКАГО ТИПА.

№ 2—3. Бор. Телепневъ. — ПО ЕВРОПѢ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

№ 4. Проф. баронъ М. А. Таубе. — ИСТОРИЧЕСКІЕ КОРНИ ТЕПЕРЕШНЕЙ ВОЙНЫ.

№ 5. Мих. Василевскій. — КАКЪ ПАЛА КОВНА.

№ 6—8. Ив. Смольяниновъ. — СѢРЫЯ ШИНЕЛИ. Разсказы.

№ 9—12. Конанъ-Дойль. — ДОЛИНА СТРАХА. Романъ.

ПЕЧАТАЮТСЯ ПОСЛѢДУЮЩІЕ №№.

Цѣна номера 10 коп.

Главный складъ изданія: Москва, Б. Дмитровка, домъ 17, книжный складъ «НАША ЖИЗНЬ».

